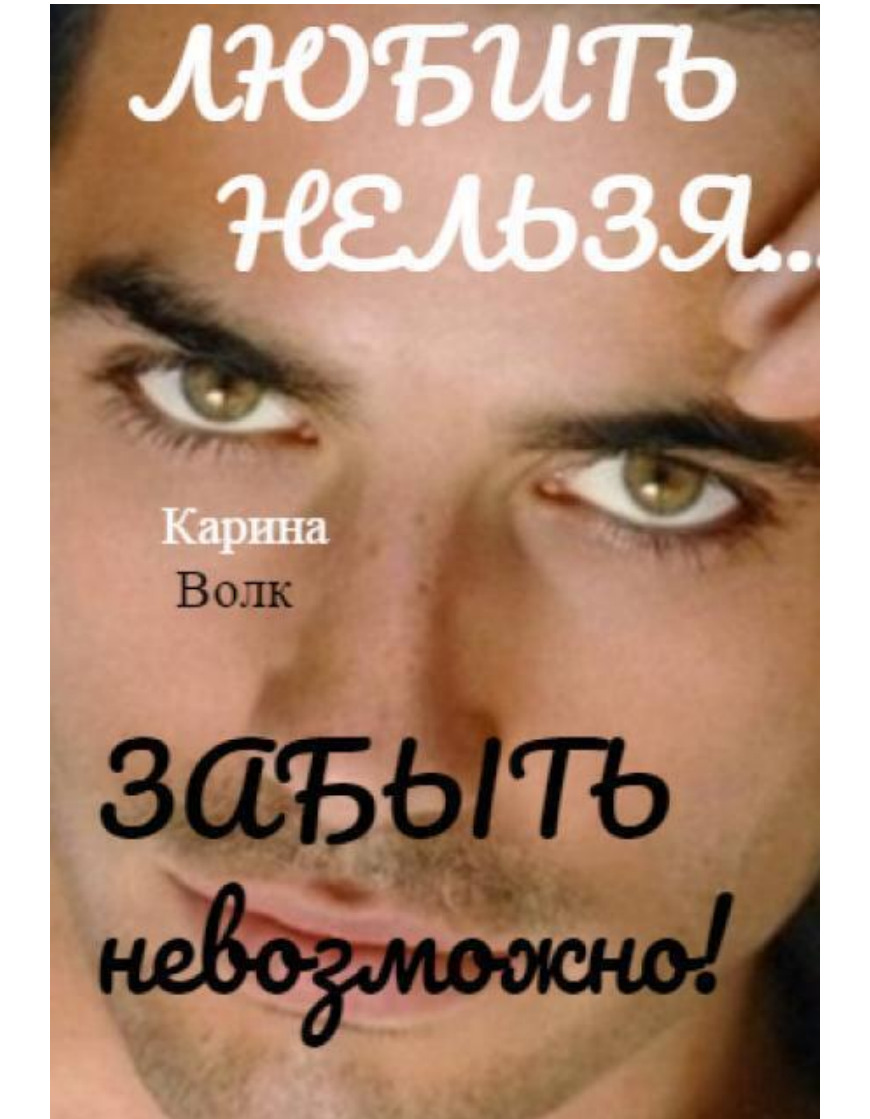

ЛЮБИТЬ
НЕЛЬЗЯ...

Карина
Волк

ЗАБЫТЬ
НЕВОЗМОЖНО!

Карина Волк

Любить Нельзя, Забыть Невозможно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74214949

Аннотация

– Стеша, привет. Девушка остановилась и сосредоточенно повертела головой. Громко хлопнул дверью и моментально оказался возле Стефании. Девушка с недовольной физиономией осмотрела меня с ног до головы и, придав взгляду максимального равнодушия, отвела его. Она из последних сил пыталась продемонстрировать своё полное безразличие ко мне, но мне не нужно было ничего доказывать, ощущал, что девушка взволнована, эмоции охватывают её сердце, внутри бушует настоящее цунами. Откуда всё это знаю? Сам испытываю такие же чувства. Безумное желание. Откровенную похоть. Правда, у меня есть ещё добавка к меню эмоций, блюдо, которое подают последним. Мсть.– Ты что здесь делаешь? Устав играть в молчанку, гневно спросила она и перевела взгляд на меня.– Соскучился, – приподнял руку и хотел прикоснуться к её щеке, но Стефания грубо оттолкнула меня, не позволяя ни на миллиметр приблизиться к ней. Провокация...

Содержание

Глава 1. Стефания (Ульянова) Звонарёва	4
Глава 2. Стефания (Ульянова) Звонарёва	28
Глава 3. Стефания (Ульянова) Звонарёва	37
Глава 4. Стефания (Ульянова) Звонарёва	51
Глава 5. Марк Звонарёв	65
Глава 6. Марк Звонарёв	77
Глава 7. Стефания (Ульянова)Звонарёва	88
Глава 8. Стефания (Ульянова) Звонарёва	97
Глава 9. Алексей Сидоров	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Глава 1. Стефания (Ульянова) Звонарёва

Мгновение – и наши пальцы, словно по волшебству, ослабили хватку, и несчастный последний фужер с грохотом ударился о пол, мелкие кусочки стекла разлетелись в разные стороны.

– Блин! – Воскликнула девушка и опустилась на колени.

По инерции последовал за ней иСидя на полу рядом с разбитым фужером и разлитым вином, под звёздным небом, глядя друг другу в глаза и произошло маленькое чудо.

Разрывая границы реальности мы соприкоснулись губами, сливаясь в единый сосуд любви и понимания. Кровь подобно лаве выходила из сердечного кратера брызгами нашей страсти. Я прижал ее еще сильный и почувствовал жизнь внутри нее. Казалось, что я ощущаю ее внутренние процессы: как эритроциты переносили кислород, как по нервам бежало электричество, останавливаясь в центре удовольствия, как адреналин сплетался с эндорфином. Я ощущал все. Закрыв глаза и осознал: Это моя судьба. Но также я осознал, что она моё наказание, ведь если снежная лави-

на любви накроет меня, то я останусь под ней навсегда.....

Жёлтые фары ослепили мне глаза, приподнял взгляд и увидел автомобиль Стефании. Девушка лихо припарковалась и быстро выскочила из дорогого кожаного салона, прихватив с собой спортивную сумку.

– Стеша, привет.

Девушка остановилась и сосредоточенно повертела головой.

Громко хлопнул дверью и моментально оказался возле Стефании. Девушка с недовольной физиономией осмотрела меня с ног до головы и, придав взгляду максимального равнодушия, отвела его.

Она из последних сил пыталась продемонстрировать своё полное безразличие ко мне, но мне не нужно было ничего доказывать, ощущал, что девушка взволнована, эмоции охватывают её сердце, внутри бушует настоящее цунами. Откуда всё это знаю? Сам испытываю такие же чувства. Безумное желание. Откровенную похоть. Правда, у меня есть ещё добавка к меню эмоций, блюдо, которое подают последним. Мечь.

– Ты что здесь делаешь?

Устав играть в молчанку, гневно спросила она и перевела взгляд на меня.

– Соскучился, – приподнял руку и хотел прикоснуться к её щеке, но Стефания грубо оттолкнула меня, не

позволяя ни на миллиметр приблизиться к ней.

Провокация... Инстинктивно, едва-едва не поймал её хрупкие, изящные руки и силой не прижал к себе. **Соблазн...** Нельзя. Всему своё время. Она не должна видеть во мне тирана. Просто обязан стать для неё другом, соратником, любовником. Целым миром. Эта наглая девица должна познать, что такое пустота.

«Когда отдаёшь свою любовь, сердце и душу, а в ответ получаешь предательство, это словно холодный душ, который навсегда замораживает твоё сердце...».

Боже! Была уверена, что моё сердце заморожено... Законсервировано! После того предательства, что мне пришлось пережить внутри всё сгорело, но почему же стоило только Сидорову вновь появиться в моей жизни и я опять ощутила этот безумный огонь, разве может холодное, почти мёртвое сердце так отчаянно биться.

Тот, кто никогда не переживал измену любимого человека очень сложно представить, в какой эмоциональный вихрь погружается человек, которому изменили.

Словно стекло, рассыпающееся на тысячи острых осколков, разбивается всё, что когда-то казалось крепким и надёжным. Краски мира блёкнут, смыслы и ориентиры искажаются, теряют свою значимость...

На смену им приходит пустота. Со временем начинает невольно казаться, что жизнь – разбитое зеркало, отражающее обломки прошлого, выброшенное куда-то далеко по

причине неисправности. Теперь точно сломано. Теперь никакими бережными и внимательными руками не склеить воедино осколки. Всё разрушено и как раньше уже не будет.

Измена – это всегда неожиданный удар, заставляющий нас, чувствовать себя шокированными, растерянными и преданными. Как мы можем снова доверять людям после того, как кто-то настолько близкий разрушил наше доверие? Как можно вновь открывать себя миру и встречать новый день с радостной улыбкой?

Женщине для измены нужна причина, а мужчине достаточно стечения обстоятельств!

Алексей лишь воспользовался ситуацией, Виктория щедро преподнесла своё тело, а он даже сопротивляться не стал. Конечно! Зачем отказываться оттого, что плывёт тебе в руки. Ради мимолётного увлечения Сидоров безжалостно разрушил наши отношения, уничтожил меня.

С ним всё понятно, но почему я так себя веду...

Безропотно следую за ним. Чёрт! Дома ждёт надёжный, заботливый супруг, который ради меня готов горы свернуть, а я как упрямый баран бегу в пасть льва, надеясь, что этот бессердечный зверь вовсе меня не сожрёт, а обнимет и согреет.

Из головы не выходили слова матери... Никак не могла поверить в происходящее...

Что же произошло той проклятой ночью? Действительно ли Сидоров мне изменил? Или мы стали жертвами жестокого

обмана?

Сделала глубокий вдох. Слегка успокоилась. Волнение присутствовало, но я отчаянно давала ему отпор. Сидоров не должен видеть, что спустя долгих шесть лет он по-прежнему имеет на меня влияние. Если хочу отомстить ему, то этот поддон должен встретиться с моим полным равнодушием.

Гордо подняла голову. Мне нечего стесняться. Моей вины нет в том, что этот похотливый кабель ради интрижки с моей вульгарной, легкодоступной подружкой лишился настоящей женщины.

Если вам изменили, попытайтесь понять, постарайтесь простить и... не забудьте послать.

Измена – это плеть, которой тебя больно бьют лишь однажды – в тот момент, когда ты обо всём узнала. А всё остальное время ты сечёшь себя этой плетью воспоминаний сама.

Неспешной походкой покинула шикарную ванную комнату для гостей и направилась на кухню.

Шла по коридору и невольно любовалась дизайном помещения.

Главная дизайнерская идея основана на использовании классических элементов и форм. Черты, свойственные классицизму, прослеживаются во всём экстерьере здания: в чёткости и симметричности линий, в изяществе отделки и продуманности второстепенных деталей.

Правильно говорят, что дом – это олицетворение души хозяина.

Кажется, что в особняке всё довольно просто и понятно. Дорогой, шикарный особняк. Такой же, как и у всех богатых людей, имеющих деньги и власть. Ничем не отличается. Один сплошной пафос и вульгарное демонстрирование благополучия и полного финансового достатка.

Однако осмотр внутреннего убранства особняка заставляет усомниться в правильности выводов. Здесь всё не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Влияние классического, сдержанного стиля прослеживается и здесь. Тем не менее значительная часть интерьеров дома оформлена в соответствии с веяниями модернизма.

Помещения особняка поражают своими высокими сводами, а также множеством изящных линий и декоративных элементов: необычное сочетание дерева, стекла, пластика и различных видов металла. Несмотря на соседство двух различных стилей, интерьеры комнат этого загородного дома смотрятся весьма органично.

Вновь оказавшись в просторной, светлой гостиной, судорожно осмотрелась по сторонам.

И вот куда мне теперь идти? Дом родителей был огромен, но особняк Сидорова даже его переплюнул.

Озадаченно усмехнулась и судорожно свела руки на груди.

Кто бы мог подумать, что вчерашней бедный студент, который вынужден был подрабатывать грузчиком, станет влиятельным, успешным бизнесменом.

Удручённо усмехнулась.

Не исключая, что Сидоров воспользовался своими природными данными и очаровал какую-нибудь богатенькую дурочку, а после того как получил всё необходимое от неё, выкинул из своей жизни как отработанный материал.

Опечаленно потупила взор.

Такая же участь ждала и меня... Виктория ясно дала понять, что Сидоров изначально планировал использовать меня, вернее моих родителей, чтобы подняться по социальной лестнице, вырваться из нищеты. Я для него была лишь средством, трамплином к успеху, а вот по словам бывшей подруги ей же он действительно увлёкся.

Боже! И вновь боль разрывала моё сердце.

– Потерялась, – позади меня прозвучал мелодичный, бархатный голос Алексея. – Стеша, я готов тебя сопровождать.

Медленно приходила в себя... Вот она точка пересечения... Моё прошлое и настоящее встретились, и от этой встречи будет зависеть, что ждёт меня в будущем.

Боже, тонкая, глубокая тональность Лёши волновала.

Непроизвольно вспомнила, как много лет тому назад сходила с ума по его голосу. В ушах зазвучали его сладкие, страстные стоны, которые сводили с ума.

Холодные мурашки зацепали кожу, чувствовала, как неспешным, медленным шагом Алексей приближается ко мне, сокращая расстояние.

Находилась в полной фрустрации. Очень плохо понимала,

где правда, а где ложь...

– Стеша, – он словно не проговорил, а пропел моё имя. – Что случилось? Ты можешь мне объяснить, что происходит?

Угрюмо свела брови и, повернувшись к Алексею, пронзительно посмотрела в глаза.

– Мне очень нравится цвет твоих глаз, – сорвалось против моей воли искреннее признание. – Смотрю в них и не могу оторваться. Впервые, когда тебя увидела влюбилась именно в твои глаза. Они мне казались такими чистыми, светлыми. Мне тогда казалось, что человек с такими глазами просто не способен обмануть. Предать, – огорчённо усмехнулась.

Когда-то во времена, когда мы трепетно и беззаветно любили друг друга, считала его изумрудные очи самыми загадочными и глубокими. В этих глазах есть, и было всё: страсть, и грусть, и какая-то присущая им одним лучистость. В них хочется смотреть не отрываясь.

Возможно, это одна из главных тайн света. Если «глаза-зеркало души», то зелёные глаза – идеальное зеркало.

– Неожиданно, – промурлыкал Алексей и, приподняв руку, нежно прикоснулся к моей щеке, даря тепло и надежду. – Давно я не слышал таких комплиментов. А от тебя, кажется, тысячу лет ничего подобного не слышал. Как же долго между нами длилась разлука, – с грустью прошептал он.

Инстинктивно потёрлась кожей о его мягкие пальцы, удовлетворённо прикрыв веки. Казалось, что я перевоплотилась в маленькую, покладистую кошечку, к которой вернулся хо-

зьяин после долгой разлуки.

Уныло усмехнулась и слегка приподняла ресницы.

– Стеша, ты явилась ко мне на ночь глядя, в мокрой одежде, которая насквозь промокла, откровенно демонстрируя свои женские прелести, ради того, чтобы поговорить о моих глазах?

Голос мужчины наполнился обидной иронией. Обессиленно усмехнулась.

Он, что думает, что я пришла к нему ради секса? Неужели считает меня такой падшей, грязной девкой?

Пристально глядела на него, отчаянно пытаюсь проникнуть в голову...

Мужчина хищно улыбнулся, откровенно рассматривая меня, по всей видимости, догадываясь, что под халатом у меня совершенно ничего нет, включая нижнего бельё.

– Мне очень приятно всё это слышать, но может объяснишься. Чего ты хочешь? Что тебе нужно от меня, девочка. Говори откровенно. Можешь не стесняться.

Озлобленно оскалилась. Чёртов, самодовольный индюк. Он реально думает о том, что я пришла к нему, чтобы переспать.

Мужчина поедал меня глазами, словно я была утончённым, изысканным блюдом.

Его взор согревал. Пленил. Притягивал. Обезоруживал и, одновременно, обижал, унижал.

Внизу живота разливалась приятная, тёплая волна. Кровь

болезненно бурлила в жилах. Возбуждение накрывало с головы до ног.

— Лёша, я сегодня кое-что узнала, — собравшись с духом, выдавила из себя слова. — Слышала разговор родителей. Мне нужна правда. Вся правда. Столько лет прошло. Ни к чему больше хранить секреты. Каждый из нас теперь живёт своей жизнью, — сердце полоснула боль.

Наивная! Верила, что смога похоронит прошлое, а вместе с ним и все чувства к Алексею. Смотрела на него и удручённо понимала, что именно этот мужчина моя первая и, по всей видимости, последняя любовь. Столько пыталась его забыть, вырвать из сердца, но так и не смогла.

Мужчина слегка прищурился.

На лице отразилась улыбка, только вот она более не дарила тепло и надежду.

Чувствовала какую-то недосказанность между нами.

Стойко создавалось ощущение, что Сидоров знает, о чём пойдёт речь. Но этого не может быть!

Шесть лет назад из-за недопонимания мы лишились своего счастья. Расстались из-за глупости. Вернее, по моей глупости. Я бросила Алексей, а он, затаив обиду, вернулся в мою жизнь взрослым, солидным, богатым мужчиной, в сердце которого теперь живёт лишь ненависть ко мне. Месть стала целью его существования.

Противоречия разъедали меня...

Правильно ли я поняла родителей!? Или же выдаю же-

лаемое за действительное. Чёрт! Зачем ворошить прошлое? Может, уже совершенно не важно что было тогда, шесть лет назад? Или важно...

Что же было? Видела его измену. Своими глазами видела Сидорова в объятиях Виктории. Но тогда, что означают слова матери, которая подтвердила, что подставила Алексея.

Проникновенно взмахнула ресницами.

Мы могли быть счастливы, но помешало лишь одно: что мы не сказали друг другу о том, как сильно хотим быть вдвоём...

Недосказано. Недотрогано. Жестоко превратила в пустяк вкус любви. Оставила в далёком прошлом все счастливые моменты, бережно сохраняя в сердце радостные воспоминания о великой любви, которая более никогда не повторится.

Тропами и дорогами – долгими, до небес, – я не боюсь дойти. Пусть всё останется жить где-то в воспоминаниях. Пусть не прервётся нить, связывающая нас. Пусть всё останется петь. Сердцем, душой и знанием пусть всё будет гореть. Пламенем! Как сейчас. Нет между нами швов. Нет ни любви, ни страсти. Каждый из нас готов жизнью своей прожить. Так что же это тогда? Что это, свет мой ясный? Что это за беда? Что ж за стальная нить? Пусть всё останется. Так рвать по живому больно! Этот простой пустяк греет нас изнутри. Пусть остаётся. Пусть... Вольному сердцу – воля. Ну а разбитому – грусть...

– И что же ты услышала? – Алексей тяжело вздохнул,

плотоядно глядя на мои слегка подрагивающие губы. – Мне очень любопытно. Милая, – так трепетно и ласково обратился ко мне Алексей, – может хватить говорить загадками. Я тебя очень внимательно слушаю.

Робко перехватила его запястье.

– Лёша, признайся, у тебя что-то было с Викторией?

Сидоров несколько секунд ещё впивался острым, волевым взглядом в мои губы, но затем, уловив вопрос, изумлённо вытянул лицо, откровенно негодуя. Злость плескалась в его очах. Ненависть полыхала. Губы нервно подрагивали.

Искала, но не находила даже отдалённого намёка на чувство вины.

– Про какую именно Викторию ты говоришь?

Алексей сменил выражение лица, теперь его эмоции были от меня скрыты, глаза наполнились непроницаемой пеленой.

– Виктория. Шесть лет назад она была моей подругой. Неужели ты забыл?

Не смогла проконтролировать свои эмоции, в отличие от Сидорова непоколебимой выдержкой никогда не обладала, слишком импульсивно и эмоционально – выраженно издавала звуки, демонстрируя свою девичью обиду, боль.

– Только не делай вид, что ты её позабыл. Таких эффектных девушек не забывают, – гневно буркнула, осознавая, что значительно уступала бывшей подруге, которая легко очаровывала, околдовывала мужчин.

Виктория редкостная дрянь. Предательница. Но при этом

она была очень красивой девушкой, внешностью её бог не обидел, а вот совестью безжалостно обделил.

Алексей немного напрягся.

– Да. Помню, – и вновь голос не подвёл мужчину, держался сказочно спокойно. – Хорошая девушка. Мне было с ней комфортно. Не понимаю, – он озадаченно передёрнул плечами, – ты почему про неё, вообще, вспомнила?

Алексей бережно убрал мою руку, развернулся и, подойдя к барному столику, достал два стакана.

– Она единственная из твоего окружения, кто хорошо со мной общалась. Милая, добрая девушка. Приятная в общении. А что случилось? У неё какие-то проблемы? – Непринуждённо уточнил он, словно между нами никогда не было никакой запретной любовной связи... – После того как покинул город больше её не видел. Ну а почему я уехал из горда тебе хорошо известно. Или рассказать? – Язвительно добавил Сидоров, продолжая свой обвинительный тон.

А может и правда ничего не было?

Грустная улыбка мелькнула на его губах, а в глазах отразилось откровенное презрение к тем временам и людям, которые меня окружали. А может, он даже ко мне испытывал отвращение.

Ревностно ухмыльнулась и, выпрямив спину, кокетливо покачивая стройными бёдрами, подошла к нему.

– Может, и мне предложишь выпить? Давай, Сидоров, прояви свои лучшие качества джентльмена и предложи даме

выпить.

Сама не знала, зачем попросила алкоголь. И так плохо соображала, а тут ещё собралась спиртным затуманить свой разум.

С другой стороны, возможно, алкоголь позволит хоть немного расслабиться.

Алексей плеснул себе немного виски.

– Ты же за рулём?

– И что? – Шаловливо приоткрыла рот и провокационно провела кончиком языка по верхней губе, из-под опущенных ресниц наблюдая за мужчиной, лицо которого стремительно менялось.

Страсть. Безумная страсть заполонила глаза. Он смотрел и даже не моргал. Сейчас Сидоров был похож на зверя во время охоты. Хорошо знала этот возбуждённый взор. Боже! Как же давно я не плавилась, словно масло на разогретой, горечей сковородке, под пристальным мужским взглядом.

Немного приподняла подбородок, эротично спрятав язык за зубами.

– Такси никто не отменял. Или ты опасаясь, что я останусь на ночь у тебя, – провокационно предположила. – Тебя так пугает перспектива остаться в доме наедине с пьяной девушкой?

Железо... Его глаза – это железо. Раскалённое железо клеймило моё тело.

Сидоров надменно усмехнулся.

– Меня такая перспектива безумно прельщает. Только вот дома я предпочитаю остаться лишь с тобой. Никакая другая девушка мне не нужна.

Кокетливо и лукаво ухмыльнулась.

– Ты права. Что предпочитаешь?

Перевела глаза на барный шкаф, в котором находился внушительный арсенал дорого алкоголя.

– Коньяк.

Сидоров немного удивился, но ничего говорить не стал.

– Тебя что-то удивило?

Алексей поставил коньячную рюмку и, налив изысканного, крепкого напитка наполовину, поставил бутылку и, зафиксировав на мне взор, проговорил, – ты давно стала предпочитать такие крепкие напитки.

С сожалением усмехнулась и, не глядя на Алексея, подняла коньячную рюмку и отрешённо провела ногтем по высокой ножке с узким раскрывающимся верхом.

– Шесть лет назад, – отсалютовала и залпом выпила горькую до дна.

Тёплый, согревающий, свежий напиток наполнил меня. Древесные нотки защипали губы, во рту ощутила стойкий орехово-цветочный вкус.

– После твоего предательства старалась заглушить боль. Алкоголь – неплохое средство. Позволяет хоть на миг, но забыться. Топила горе. Топила. Топила, – приглушённо, разочарованно рассмеялась, – но так и не утопила.

Алексей ошарашенно рассмеялся.

– Стеша, ты серьёзна? Как тебе в голову пришло, что я и Виктория были любовниками. Ты откуда это взяла? Это же глупость. Полная глупость. Прости, но ты меня удивляешь.

Глаза загорелись. Ненависть полыхала в очах, словно фонари в люто-чёрную ночь.

Мерзкую, отвратительную картинку так и не могла стереть из памяти. Я же собственными глазами видела, как Виктория и Алексей кувыркались в кровати. Видела... О чём тогда говорила мама?

– Прекрати, Лёша. Знаю, что мама подослала к тебе Викторию. Она тебя соблазнила. С тебя ответственность никто не снимает, но..., – мужские черты заострились, глаза расширились, на губах появилась опасная ухмылка.

– Стеша, ты с ума сошла. Я никогда не был любовником Виктории. Не знаю, кого и когда ты видела, но у меня с ней ничего не было.

Мужчина яростно замахал руками.

– Повторяю, что это полное безумие. Неужели ты считаешь, что я способен был увлечься другой девушкой, когда рядом со мной была ты. Такая любимая и желанная.

Как принимать решение? Сердцем или разумом. Шесть лет назад прислушалась к доводам разума и что получила взамен. Пожертвовала сердцем. Заперла его на семь ключей.

Во мне действовали разные силы... Разум хочет осмысленного, рационального решения, чувства же «видят» потен-

циал и требуют броситься в омут.

После пережитого предательства... Или мнимого предательства, уже сама не знаю, отобрала права голоса у сердца.

Заставила его молчать, мной руководил лишь холодный разум. И с того времени внутренне вперёд не продвигалась, потому что заостряла внимание на прежнем опыте, анализировала риски.

Запрещала увлекаться мужчинами.

А если и приводила с кем-то время, то только с парнями из моего круга.

Хватит. Своё время так обожглась, что ожоги оставили слишком болезненные шрамы. Всё сердце было в кровотокающих рубцах.

Поднималась по карьерной лестнице, но не чувствовала удовлетворения, потому что раненое сердце не участвует и не резонирует. Но есть и неоспоримые преимущества...

Двигалась в максимальной безопасности, имея желанную надёжность, контроль и предсказуемость.

– Стеша, признайся, что ты пришла, чтобы спасти отца. А эту всю историю на ходу выдумала, – он разочарованно хохотнул. – Ловкий ход. Лихо придумана. решила из себя жертву изобразить.

Судорожно взмахнула подбородком.

– Что? Ты о чём говоришь?

– То, – издевательская насмешка исказила его прекрасные губы. – Ради отца пришла ко мне.

Мужчина вальяжно бросил пару кубиков льда в стакан с виски и, быстро выпив горячительный напиток, звонко поставил пустую ёмкость на стеклянную поверхность.

Алкоголь ударил в голову или... жестокие, несправедливые фразы Сидорова заставили потерять равновесие, но я пошатнулась, ноги отказывались слушаться.

– Стеша, – перепугано прокричал Алексей, лихо и резво хватая меня за талию, не позволяя рухнуть на пол. – Боже мой. Ты одна сплошная проблема. Зачем ты всё это делаешь? Почему просто не признаешь свою ошибку? Покаешься.

Демонстративно приподняла голову, смело и уверенно глядя на мужчину.

– Так избавься от меня. Если я такая проблема. Возьми и выброси из своей жизни. Ты же думаешь, что я бессовестная девица, у которой нет ни стыда, ни совести.

Столько боли, ярости и злости я ещё никогда и ни у кого не видела в глазах.

– Не умеешь пить, не берись. Не стоит строить из себя дерзкую, прожжённую стерву. Тебе не идёт, – он мгновенно усадил меня на кресло и молниеносно отстранился. – Ты совершенно другая.

– Я умею пить, – возразила высокомерному зазнайке. – Просто сегодня я лишь позавтракать успела. И прекрати учить меня жизнь. Достали.

Гневно поморщилась. Как же они меня все достали. Каждый учит жить. Даёт советы, которые мне совершенно не

нужны...

– Б...ь, – громко выругался он. – Стеша, ты что, ребёнок. Разве можно бухать на голодный желудок. Да что с тобой происходит? Раньше ты была гораздо более благоразумной девушкой.

Едва заметно улыбнулась, внутренне радуясь, что Алексей, пусть и довольно грубо, но всё же проявляет заботу.

– Раньше, Лёша, и трава была зеленее.

Мужчина безмолвно кивнул.

– Присядь ко мне, – ласково постучала по мягкой поверхности довольно широкого кресла.

– Что?

– То, – ответила точно так же, как и он, мне менее пяти минут назад. – Присядь рядом. Или боишься? Ну что я тебе сделаю, Алексей. Думаешь съем или задушу в жарких объятиях?

С моей стороны был брошен дерзкий вызов...

Но кому, Алексею Сидорову. Глупая девочка. Только такая маленькая, серая мышка, как я могла предположить, что смогу манипулировать самым настоящим зверем.

Мне его не укротить. Он совершенно не похож на мягкого и покладистого Марка.

Алексей зорко блеснул глазами, он был похож на ястреба в небе, который приметил добычу на грешной земле.

Его голодный взгляд упал на мою грудь, затем он очень медленно, смакуя глазами моё тело, поднял их и прямо по-

смотрел в моё раскрасневшееся лицо.

– Боюсь? Стеша, ты понятия не имеешь, что такое страх. Всю свою жизнь твои родители оберегали тебя от реальной жизни, – с неприкрытым укором проговорил он. – Жизни, где огромное количество подлости, унижения и страха. Ты жила в золотой клетке. Никогда не беспокоилась о будущем. Ты, девочка, родилась с золотой ложкой. Ты понятия не имеешь, что такое простая жизнь. Когда приходится беспокоиться о куске хлеба.

С грустью улыбалась, пронзительно глядя хмельным взглядом в некогда очень любимого человека, которому безгранично верила...

Невольно мой опьянённый взор остановился на его мягких, нежных, манящих губах...

Первый поцелуй... Никогда не забуду, как мы первый раз поцеловались. Это было так прекрасно. Так чудесно! Я думала, что не переживу, такого счастья. Тогда я не знала, что любовь принесёт, столько страданий.

Боль вновь сжала моё сердце, безжалостно напоминая о том, какие страшные события мне пришлось пережить...

РАДОСТЬ ПАХНЕТ ЦВЕТАМИ, любовь – мёдом, страх – потом, боль – лекарствами.

А, ЧЕМ ПАХНЕТ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

Я вам отвечу – мерзостью и кровью.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕЛЬЗЯ ПРЕДВИДЕТЬ. Только подумайте, что чувствует человек, которого предали. А я хо-

рошо знала, что чувствует человек, которого предали!

Душа его пуста: уходит вера, приходит обида, злость и месть. А вместе с ними призраки: недоверие, сомнения и страхи – верные спутники предательства...

ПРЕДАТЕЛИ ВСЕГДА ОПАСНЫ, потому как предавший однажды, предаст ещё тысячу раз...

ПРЕДАТЕЛЯ МОЖНО ПРОСТИТЬ, – снять со своей души грех. Простить и отпустить...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НЕ ПРОЩАЕТСЯ...

– Так по-твоему я избалованная принцесса? Так ты про меня думаешь?

Сидоров высокомерно усмехнулся, он ничего не ответил, но по его самодовольной физиономии стало понятно, что он не просто меня считает избалованной принцессой. Я для него коварная, безжалостная сука. Он даже не догадывается об истинных причинах, по которым я его бросила... Ушла... Громко хлопнув дверью, не позволила себя унижить!

Предательство очень трудно простить. Мы настолько уязвлены обидой при этом, что оно охватывает все наши мысли и приносит немало психологического дискомфорта организму. Пока «свежо» предательство, вновь и вновь прокручиваем эпизоды случившегося, не понимая, что этим ещё больше изматываем себя. Не собираясь прощать, потихоньку наполняем ненавистью, которая, как червь, роет каналы, внутри оставляя все больше пустоты, отчуждения, эмоциональной «слепоты» и наконец безразличия.

Таким образом, образуется «чёрная дыра» – комок негативной энергии под высоким электрическим напряжением, который впоследствии также постепенно преобразуется в недоверие, подозрительность, и в определённых случаях в конфликтность по отношению к окружающим. Это маленькая смерть души. Одна моя подруга, увидев мои глаза после пережитого предательства, сказала, что я похожа на беззащитного новорождённого ребёнка. А, ведь, действительно, это точное сравнение. Нас как будто обнулили, опустошили и перепрограммировали на дальнейшее существование... И мы возвратились на исходную позицию, но существенно изменёнными, получив первую дозу негативного опыта.

Не прощая обидчика, мы сохраняем с ним вечную связь в своём подсознании. Возникает парадокс: хотим избавиться от неприятных ощущений, не прощая при этом, не понимая, что избавиться от неприятного осадка можно, лишь простив предательство. Нужно разорвать связь с обидчиком, иначе узел будет становиться всё крепче, что приведёт к обратному эффекту.

Чёрт! Но наша связь с Сидоровым, против моей воли усиливалась... Смотрела на него и напоминала себе, что он жестокий предатель, но вновь и вновь тянулась к нему... Этот сильный, brutальный мужчина подавлял мою волю. Не было никаких сил сопротивляться дьявольскому искушению.

Алексей высокомерно усмехнулся.

– Ты была для меня королевой. Я даже дышать на тебя

боялся.

Робко опустила ресницы.

– Любил и безгранично верил. А ты жестоко предала меня. Ушла, даже не удосужившись поговорить.

Нервно сглотнула и, приподняв глаза, с глубокой тоской посмотрела на него.

– Ты зачем пришла? Чего ты от меня хочешь?

Судорожно передёрнула плечами.

– Я тебе уже говорила, что мне нужна правда.

Мужчина надменно приподнял голову.

– Правду? А ты уверена, что согласишься тому, что я скажу? Когда-то ты сбежала. Не поверила. А теперь спустя шесть лет, решила у меня правду узнать. Зачем? Почему? – Он разочарованно улыбнулся. – Что изменит правда. Она тебе зачем нужна?

– Мне нужна правда, чтобы жить дальше. И да, Алексей, правда повлияет на моё будущее.

Сидоров тяжело вздохнул.

– Правда может разрушить тебя. Зачем тебе всё это? Ты замужем. Счастлива.

Прискорбно ухмыльнулась.

– У тебя свою жизнь, у меня своя. Или ты не так счастлива со своим мужем?

Угрюмо свела брови.

– Марк – хороший мужчина. Верный. Честный. Заботливый.

– Но нелюбимый, – жёстко констатировал Алексей.

Моё тело окаменело, сложно было сделать вздох и ответить на столь простой, незаурядный вопрос.

– А ты, любишь Настю, – лучший способ защиты, это нападение, именно такой тактики и стала придерживаться, собрав волю в кулак. – По случайному стечению обстоятельств в качестве невесты выбрал именно сестру моего мужа.

Сидоров звонко рассмеялся.

– Стеша, малышка моя, ты такая высокомерная. Думаешь, что все мои поступки продиктованы лишь желанием быть рядом с тобой?

Гордо взмахнула головой.

– Или желанием мести. Ты же меня ненавидишь? Правда?

Глава 2. Стефания (Ульянова) Звонарёва

Сидоров тяжело вздохнул и медленной походкой приблизился ко мне.

– Стеша, ты сумасшедшая девчонка, – прохрипел он и, присев на корточки возле меня и ласково улыбнулся. – Ты даже представить не можешь, – огромная боль заплескалась в его тёмно-зелёных глазах, – как сильно на тебя злился. Ненавидел до такой степени, что готов был придушить. Даже представить не мог, что моё сердце, которое трепетно любило тебя, способно на такую ненависть, – мужчина резко схватил мою руку и прижал её к своей груди.

Необъяснимая штука – душа. Никто не знает, где находится, но все знают, как болит.

Бывает боль, которую нельзя вылечить в больнице. И те, кто встретил такую боль, пытаются исцелить себя сами. Некоторые утоляют боль одиночества с помощью новых друзей. Некоторые утоляют угрызения совести вливанием средств. Некоторые облегчают жгучие желания маленькими актами доброты. Но, к сожалению, всегда есть те, кто отвергает лечение, потому что понимают: будущее несёт ещё сильнейшую боль.

Ладонью ощутила бешеное мужское сердцебиение. Вина

поразила сердце. Судорожно захлопала глазами. Должна была, что-то сказать. Как-то объясниться. Но я лишь неподвижно сидела на месте, крепко прижимая руку к его груди. Что я могла сказать? Как объяснить своё поведение? Ставила перед собой вопросы, но никак не находила ответы. Я видела то, что видела. Обнажённые тела преследовали в кошмарах. Предательство любимого навсегда изменили меня. Сделало чёрствой, прагматичной, лишило веры в людей и надежды на обретение любви.

Предательство – это боль двоих, кем бы ты ни был – палачом или жертвой! Может быть, боль у них разная, но кто придумал, какая из них сильней?!

– Лёша, я видела тебя и Викторию.

Мужчина уныло улыбнулся.

– Стеша, скажи, ты после того, как уехала, хоть иногда вспоминала обо мне.

Цепко сжала пальцы, яростно сминая его рубашку.

– Скучала. Ещё как скучала. С ума сходила. А потом, – горько усмехнулась. – Смерилась. Приняла, что навсегда потеряла любимого человека.

Научилась жить с дырой в сердце. Пустота – вот мой вечный спутник.

– А ты? Неужели ты каждый божий день лишь ненавидел меня?

Сидоров помотал головой.

– Знаешь, сколько раз хотел отправить смс: «Пишу, пото-

му что очень скучаю по тебе. Уже нет сил никаких. Так не хватает тебя, твоей заботы, внимания, твоего голоса, взгляда. Твоё присутствие успокаивает, придаёт сил, уверенности, делает настроение лучше. А без тебя мир словно пустеет, становится серым, ненастным, грустным. Всё-таки ты в моём мире, как солнышко, дарящее тепло, пробуждающее жизнь и освещающее всё вокруг. Очень жду нашего скорейшего воссоединения. Для меня это радостный и трепетный момент».

Не отрываясь смотрела в его пленительные глаза, внимательно ловила каждое слово.

– И почему не написал? – Вопрос прозвучал как осуждение.

Сидоров разочарованно рассмеялся и, бережно убрав мою руку, громко провозгласил, – а я писал. Тысячу раз писал. Только вот от тебя не было ответа.

Угрюмо выдохнула. Чёрт! Я же заблокировала его номер. Вычеркнула Алексея из своей жизни.

Полностью усвоила роль жертвы. Развивала сознание жертвы – сознание, ломающее мировоззрение и образ жизни; сознание, с которым стала негибкая, безжалостная, требующая карательных санкций. Застряла в своём прошлом, с отсутствием здоровых ограничений. Сознательно приняла психологию жертвы, сама заключила себя в застенки и невольно превратилась в собственного тюремщика.

– Лёша, я запуталась. Голова идёт кругом. Не знаю кому верить, – плавно поднялась с кресла и подошла к мужчине.

– Запомни, девочка, что в этой жизни никому верить нельзя.

Завуалированное предупреждение звучало в его словах, но я его игнорировала.

– И тебе?

Алексей наклонился к моим губам, гипнотизируя колдовскими зелёными глазами, очаровывая бархатным голосом, разжигая страсть.

– Никому. Особенно мужчинам.

Движимая желанием, прикрыла глаза и позволила Сидорову прижаться ко мне горячими губами. Кажется, это Платон сказал, что поцелуи придуманы богами для того, чтобы скрыть смущение, когда не хватает обыкновенных слов. Философ и оратор, он знал, о чём говорит. Мне слов обыкновенных и необыкновенных, давным-давно уже не хватает. Иногда даже воздуха не хватает, чтобы дышать, – так сильно бьётся и сжимается сердце. Мне давно не хватает всего, что я знаю, чтобы осмыслить, что же происходит между нами. Алексей целует нежно-нежно, сладкая нуга расплывается по моим венам, смывает штормовая волна и уносит в бездонный океан. Боже! С губ срывается произвольный стон. Скажи, откуда это? Ни один страстный поцелуй не похож на другой. Лёша вложил в поцелуй всю нежность, ласку, трепет... Он целует меня так нежно, как не снилось ни одному розовому лепестку ранним утром: едва касаясь губами губ, почти одним только дыханием. Казалось, что он боялся, что

я растаю, как мороженое, на огненных губах, растекусь сладкими капельками. Впрочем, так и случается. Таю и растворяюсь в его сильных руках. Мир создан только для нас двоих... И пусть он вновь обманет. Ложь такая сладкая, одурманивающая... Не могу сдержать своей страсти, в сердце вновь зарождается любовь. Старалась... Очень старалась вырвать любовь с корнем, но не смогла.

– «О любви не принято кричать... У любви к тебе границы нет! Сердце на кусочки разлетится. Если на вопрос мне дашь ответ. И душа взметнётся в небо птицей! – Оторвавшись от моих губ, проговорил он стихи, которые когда-то давно в момент романтических вечеров читал мне.

Робко улыбнулась.

Алексей уверенно держал меня в своих объятиях так осторожно и аккуратно, словно я фарфоровая китайская статуэтка, и стоит ему прижать меня крепче – сломаюсь. Целовал меня так чутко, слушая биение нежного сердца, прислушиваясь к каждому вздоху, вытягивая мгновения до размеров вечности, собирая мои губы в бутон и заставляя их распускаться под действием нежности своего тепла. И руки трепетно отвечают на каждое движение моего тела – мягко, сильно, нежно, настойчиво. Целовал меня так сладко, что кружилась голова. Любимый напомнил, как обожаю уверенные поцелуи, заставляющие меня, подчиняться каждому движению, отвечать страстно и безудержно. И робкие поцелуи, когда он боялся разбудить меня. Сердце тает от страстных по-

целуев, с урчанием и стонами. В этот момент часть меня просто падает в обморок. И кажется, словно я миллион раз-раз за разом – теряю сознание и бессильно обмякаю в сильных, крепких руках. А Сидоров сжимает во властных объятиях так крепко...

До дрожи, словно хочет навсегда прирасти ко мне. Словно хочет спрятать меня на груди от всего мира и безмолвно, громко кричишь одним движением: МОЯ! МОЯ ЖЕНЩИНА!!!

Когда Алексей целовал меня всей кожей, невольно замираю, чтобы не спугнуть это чудо.

Когда он поцеловал меня каждой клеточкой, я понимаю, что мир только начинает рождаться...

Когда целовал меня каждым нервом, я растворяюсь в мироздании и в нём и знаю, что очнусь только внутри любимого, возродившись под кожей, и посмотрю на мир его глазами, услышу всё, что слышит он, и восхищёнными глазами посмотрю на саму себя, поражаясь тому, как же можно любить! Понимаю. Бессильно понимаю, что не могу вернуть даже маленькой толики той вселенной, что Алексей так щедро дарил.

Поцелуй завершается так же неожиданно, как и начался... – Стеша, не стоит продолжать. Тебе следует всё обдумать. Сейчас на тебя давят слишком много обстоятельств. Я принуждать тебя не собираюсь. И пользоваться ситуацией тоже не буду.

Уверенно приподняла голову. О чём он говорит?

– Чувствую себя такой маленькой, когда ты обнимаешь меня. Я так скучала по тебе.

– Стеша, даю последний шанс. Уходи, – мужские губы настойчиво твердили, но глаза Алексея умоляли, чтобы я осталась рядом с ним.

Смело улыбнулась и нежно обвила руку его могучую шею.

– Последний шанс, – игриво запрокинула голову. – Нет. Я отказываюсь пользоваться предоставленным шансом. Ты единственный мужчина, который может меня разозлить и возбудить одновременно.

– Взаимно. Стеша, – мужчина предпринял последнюю попытку остудить мой пыл, – это твой выбор.

Гостевой халат, мужская рубашка и джинсы сразу оказались на полу. Алексей неустанно ласкал мою спину, затем ягодицы, его язык без усталости двигался...

Ощущала боевой настрой. Обнажёнными, возбуждёнными грудями чувствовала сильные мужские мышцы, пока он, не прекращая целовать меня.

– Твои губы такие влажные и мягкие. Целуй меня везде, – не узнавая свой осипший голос, пролепетала я, когда любимый властно усадил меня на стол и начал гладить бёдра.

– Я буду ласкать тебя так, как захочу, – утвердительно провозгласил он, закидывая мои бёдра себе на сильные плечи.

Яркая вспышка озарила мои глаза, когда Алексей начал

посасывать клитор, трогая его во рту своим язычком. Откинула голову назад и сладострастно застонала, правой рукой бесстыдно ласкала свою грудь, а левой упиралась о стол. Мужские руки умело ласкали мои бёдра и талию, шаловливый язык глубже проник, вынуждая ещё сильнее погрузиться в безумное, сексуальное наслаждение. Инстинктивно правой рукой крепче прижала его голову, нежно сжимая тёмные волосы.

Алексей провёл языком вверх, остановился между грудей, обеими руками он сжимал мои груди и целовал их, слегка покусывал соски, провокационно проводил языком вокруг розовых ореолов, а потом страстно начал целовать.

Страстное желание окончательно завладело моим телом.

– Отдайся мне весь, без остатка, – скомандовала я, решительно проникая обеими ладонями в его трусы. – Покажи мне, что я только твоя, – властно сжала его упругие ягодицы.

– Стеша, я ничего не буду тебе обещать. Но клянусь, что сегодняшнюю ночь ты запомнишь навсегда.

Даже осмыслить не успела его фразу, мгновение и одним быстрым движением, сняв с себя трусы, любимый наконец-то заполнил меня.

И пусть весь мир подождёт. Пусть будет проклята разлука...

– Дай мне всё, что можешь, этой ночью, – руки продолжали сжимать его ягодицы, трепетно и жарко ласкать его спину, а он ритмично и небыстро двигал бёдрами. Наши обна-

жённые тела прижимались друг к другу, ощущала тепло тела Алексея, а он тепло моего. Резко откинулась назад, скинула со стола какие-то книги с бумагами и вальяжно легла на спину. Лёша закинул мои ноги себе на сгибы рук.

– Детка!

– Ты моё удовольствие, – простонала я. – Будь нежен со мной. Умоляю.

Стала стонать громче, лаская накачанный мужской пресс.

– Стеша, ты всё такая же красивая, нежная, страстная.

– Боже. Лёша, не останавливайся. Умоляю.

Мужчина удовлетворённо заулыбался.

Зрение затуманивается, и я чувствую, как тело становится очень лёгким, а в районе клитора появляется неопишемое и весьма приятное ощущение...

Чувствовала невероятное сокращение, которыми не могла управлять и состояние невозврата с пиком ощущений.

Глава 3. Стефания (Ульянова) Звонарёва

Моя любовь ушла – холодно и тихо, оставив лишь боль и полное опустошение. Сквозь страшные, длинные ночи мои мысли были титрами.

Тяжело.

Очень тяжело быть любимой и не любить. Но в тысячу раз тяжелее любить самой. Тебя унижают, тебя оскорбляют, с тобой не разговаривают, тебя не замечают... А ты живёшь и любишь. Любишь и живёшь. Да, больно и страшно быть не любимой и любить. А как жить иначе?

Говорят, время лечит. Нет, оно не лечит. Просто боль становится привычной, и с ней живёшь, порой, просто не замечая её. Но отделаться от неё, вылечиться, ещё не удавалось никому.

Тяжело. Да. Ужасно тяжело жить вот так. А как жить иначе? Как всё забыть? Память, штука необъяснимая. Сколько испробовано разных способов, чтобы, как с магнитофонной ленты, стереть всё из памяти. Мы пили, но похмелье и протрезвление приносили новую боль. Мы кидались в объятия других, но, вставая с чужой постели, понимали, что ничего нового там не нашли, а иногда ещё больше теряли.

Память. Она, как лезвие бритвы, режет где-то в области

груди. И к этой боли мы тоже должны привыкнуть.

Но есть ещё слёзы. Боже мой, эти слёзы! Как не кстати, они порой появляются на наших глазах. Но в них спасенье. Поверь мне. Хотя ненадолго, но они успокаивают эту нестерпимую боль. Боль любви. Боль ненависти. Боль памяти. Боль измены. Боль расставания...

Нас любят, и мы любим. Нас бросают, и мы бросаем. Нам изменяют, и мы изменяем... Это жизнь, и как грустно, что мы не можем её понять. Мы быстрее понимаем и верим тем, кто шепчет нам на ухо, и совершенно не замечаем тех, кто смотрит нам в глаза. А порой этот открытый взгляд говорит больше, чем льстивые словечки. Но часто мы это забываем.

Мы привыкли слушать и совершенно не хотим смотреть. Закрываем лицо руками. Отворачиваемся. А потому и ничего во круг себя. Ни любви, ни измены. На любовь мы ещё иногда кидаем косые взгляды, а на измену даже боимся смотреть. Поэтому и не знаем, как она выглядит. А надо бы узнать. Кто знает, может быть, когда-нибудь ещё придётся отличить обман от шутки, ложь от измены.

Может быть, мы ещё не потеряны. Может быть, мы ещё любимы. А может быть, мы ещё и сами способны любить. А пока с нами остаётся память и остаются наши слёзы. Когда мы вспоминаем, мы плачем и говорим себе, почти кричим, что лучше бы никогда его не встречать... Но без этого мы никогда бы не узнали, что такое любовь. Запретила себе любить. Любовь равна ужасной боли. Но что происходит сей-

час. Столько лет делала вид, что не ждала его, занималась самообманом. Люблю или ненавижу? Он мой наполовину. Игра затянулась.

– Лёша, что ждёт нас завтра? – Возвращалась из райского блаженства в горькую реальность. В реальность, где я замужем, а Сидоров очень скоро станет чужим мужем.

Реальность, в которой судьба нам уготовила совершенно другую жизнь. Жизнь, где мы каждый день будем сталкиваться друг с другом, но не сможем даже публично прикоснуться.

Жестоко. Но именно такая участь нас и ждёт. Я вернусь к хорошему, но совершенно не любимому мужчине и каждый день буду нацеплять счастливую улыбку, изображая огромную любовь, тайна ненавидя себя за подлость и малодушие. Трусость не позволит рассказать Марку правду. И я буду молчать. Потому что моя правда совершенно никому не нужна.

– Милая, завтра ты проснёшься рядом с мужем, – он говорил вполне спокойно, но я инстинктивно ощущала невероятную злость и ненависть. – И только тебе решать, сколько ещё ты сможешь притворяться любящей и верной женой. Может, ты будешь притворяться всю жизнь, боясь осуждения. Будешь жить во лжи. Продолжишь притворяться, изображая верную, любящую жену.

Не желала проснуться через двадцать лет и осознать, что в сердце живёт лишь горькое, удручающее сожаление о том,

чего не сделала. Лучше уж сделать и сожалеть всю жизнь, нежели не сделать и страдать, и маяться от неизвестности. Уплыла прочь от безопасной гавани. Поймала попутный ветер. И пока ко мне ветер благоволит, но через секунду всё может схлопнуться и тёплый, приятный ветер превратится в ужасающую бурю.

– Детка, знаешь, чего я хочу больше всего? – Эротично промурлыкал любимый.

Кокетливо помотала головой, кожей ощущая, что мы хотим одного и того же.

– Хочу заставить тебя стонать, – крепко обхватив меня руками, подавляя любое сопротивление, он стащил меня со стола и повернул к себе спиной. – Громко стонать от наслаждения. Родная, ты даже не представляешь, как скучал по твоему трепетному голоску.

Громко воскликнула и оперлась о стол руками.

– Ты даже не представляешь, как я мечтал о тебе, Стефания, – обхватив меня за талию, у бёдер, яростно прокричал Алексей.

Его равномерные и небыстрые движения доставляли сказочное удовольствие, которое я никогда не испытывала рядом с супругом. Не скрывала показать, как мне хорошо своими громкими стонами. Сидоров – искусный любовник. Он прекрасно знал, как доставить женщине наслаждение. Нежно ласкал мою спину, плавно наклонялся ко мне, страстно целуя в шею и губы.

– Сладкая. Невероятная сладкая, малышка. Как же я скупал. И знаешь, до сих пор не верю, что ты в моих объятиях, – томно прохрипел мой обаятельный, горячий любовник, умело разжигая меня, пробуждая острую, совершенно неконтролируемую страсть.

Только Сидоров мог меня обуздать, удовлетворить, покорить... Марк был неплох, но ему никогда не сравниться с Алексеем. В моем муже не было и грамма той безумной страсти, которой обладал Лёша.

Вновь лишалась возможности осознавать реальность. Парил между небом и землёй.

– Боже! – На пике протрубила. – Боже мой, Лёша-а-а. Прошу. Умоляю. Люби меня, родной.

– Да. Детка. Кричи. Кричи, малышка. Кричи для меня. Только для меня, – как настоящий собственник, властно и непоколебимо рычал мужчина.

И чёрт побери, меня страшно возбуждала его власть. Оказывается, я готова подчиняться, но только сильному мужчине, который способен разжечь страсть...

Судорожно задышала и выпрямившись, повернулась к любимому человеку, с которым за один вечер испытала как минимум два оргазма.

– Это безумие. Настоящее безумие.

– Вся наша жизнь безумие, – он поднял моё обессиленное тело на руки. – Я так по тебе истосковался. Боже. Стеша, я же ненавижу и проклинал каждый день, прожитый без тебя.

С сожалением усмехнулась, на губах застыл слишком болезненный вопрос. Несмело приподняла виноватый взгляд.

– Лёша, а разве можно любить и ненавидеть одновременно? – Робко прошептала. – Как такое возможно? Такого не бывает?

Внимательно вглядывалась в его лицо, пытаюсь прочесть мысли.

Он не знал ответа. Так же, как и я был на перепутье. Мы застряли на дьявольском перекрёстке. Секс прекрасен, но его недостаточно, чтобы вновь возродить любовь.

Между нами сожжены все мосты. И более не сможем стать прежними. Наша счастливое прошлое безвозвратно прошло и вернуть его просто невозможно...

– Ненависть чаще всего возможна там, где когда-то была любовь. И где она остаётся, – прервав молчание, равнодушно ответил он. – В других случаях это гнев, который можно выразить.

Сидоров прав. "От любви до ненависти один шаг" – расхожая фраза. Разошлась она большим тиражом я думаю потому, что ненависть прорастает, как сорняк, только на полях, засеянных когда-то зёрнами любви. Когда сорняков становится больше, чем зёрен, "прополоть" их, не причиняя вреда росточкам любви, бывает сложно.

– Чувство, противоположное любви – это отнюдь не ненависть. На обратном полюсе с любовью находится равнодушие, – добавил он. – Ненависть – признак сильного нерав-

нодушая к тому, о ком идёт речь. Ненависть – это, как правило, любовь, отравленная обидой, скрытой, невыраженной агрессией, это больная любовь.

– И у нас с тобой больная любовь?

Сидоров слегка покривил уголки губ, на лице отразилась хищная усмешка, глаза лукаво сузились.

– Поживём, увидим. Не спеши, события. Поверь, малышка, я тебя ещё сумею удивить, – невольно вздрогнула.

Алексей, как и прежде, улыбался, но я не могла избавиться от неприятного ощущения. Его слова пугали. Он как будто бы предупреждал меня о надвигающейся угрозе. Гнев – требует быстрой разрядки. В ненависти можно зависнуть на годы.

– Звучит, как угроза.

– Девочка моя, – склонившись к моему уху, обжигая горячим дыханием, холодно прошептал он, – ты слишком долго жила в мире грёз. Забыла, что настоящие мужчины не угрожают, не предупреждают, а берут и делают. Без лишних слов.

Пружина внутри меня сжалась до предела...

– И что ты собираешься делать?

Дьявольский огонёк запылал в зелёных глазах мужчины.

– Увидишь, – стремительным шагом, крепко сжимая в своих объятиях, Сидоров отнёс меня в ванную комнату. И как только мы оказались под прохладным душем, он молниеносно прижал моё полыхающее тело к стенке, страстно

поцеловал в изнывающие губы. От избытка чувств, чуть не поскользнулась в ванной, но он ловко меня удержал от падения, сильно сжал мои ягодицы властными, требовательными руками, затем немного раздвинул мои бёдра и, подхватив, так что я уже вынужденно обнимала его за талию, ногами, вплотную прижимаясь к возбуждённому мужскому органу.

Алексей быстро и резко врывается в моё тело, двигаясь всем телом вверх и вниз, моя спина скользила по плитке, остро ощущала их гладкую поверхность и швы между ними. Сладко и громко стонала, ощущала, как член двигается во мне, а сильные руки сжимают мои ягодицы и ласкают бёдра.

Видимо, там, на столе, это была всего лишь разминка, основная тренировка была сейчас. Сидоров вновь и вновь терзал изнывающие губы, совершая более резкие движения ягодицами, затем он начал опускать меня вниз.

– Детка, пришло время воспользоваться твоими сахарными губками по прямому назначению.

Вульгарная фраза безумно возбудила меня. В браке с Марком не особо любила делать ему минет. Не нравилось. Чёрт! Сам секс был у нас обыденным, так, здоровья ради. Никакой страсти. Ярких вспышек. Огня.

– Не могу дождаться, когда смогу попробовать тебя на вкус, – руками погладила сильные бёдра и ягодицы. Широко открыла рот и немного высунула язык, по которому член быстро проник до самого горла.

– Ты ведь знаешь, что чем выше любовь – тем ниже поце-

луи? Так вот, докажи мне, что твоя любовь очень, очень возвышенная, – он решительно обеими руками обхватил мою голову.

Яростно сжимала и ласкала его ягодицы, ощущая, как член скользит по языку вперёд и назад, и при каждом движении моя верхняя губа касалась лобка.... Не успевала сглотнуть слюну, и она капала с моей нижней губы, но меня это не смущало. Не было и намёка на отвращение. Ощущала себя развратной, падшей женщиной и....К своему стыду безумно заводилась. Движения Алексея были быстрыми и резкими. Двигалась в такт с ним.

– Б...ь, детка. Признаюсь, что из всех моих женщин, ты лучшая.

Обида полоснула сердце, словно скальпель. Я для него одна из многих...

Моментально отстранилась. И выпрямилась.

– Лёша, я для тебя одна из многих, – не сдержала надрывный голос. – Это понятно. Но ты для меня один-единственный.

– И это понятно, – уверенно заявил наглец. – Как там говорится, – он вальяжно щёлкнул пальцами. – Девушки никогда не забывают своего первого мужчину.

– Не знаю, как там другие девушки, – злобно огрызнулась. – Но я навсегда запомнила свою первую любовь, – дёрнулась и попыталась покинуть душ, но Алексей, громко рассмеявшись, повернул меня к себе спиной, так что я вновь

была вынуждена опереться о плитку.

Он взял мои длинные волосы в пучок левой рукой, так что мне пришлось запрокинуть голову, а правой держал за талию. Более не было никакой ласки и нежности. Сидоров резко овладел моим незащищённым телом. Мой рот не закрывался от стонов, я еле успевала вдохнуть воздуха, чтобы со стонами снова его выдохнуть.

Силы окончательно покидали меня... Вновь испытав сумасшедший оргазм, Алексей бережно смыл с меня следы нашей страсти и, аккуратно окутав в полотенце, отнёс в спальню.

– Лёша, ты же понимаешь, что я не могу у тебя остаться, – пролепетал я, когда мужчина уложил меня в постель.

– Конечно, понимаю, – равнодушно проговорил он. – Скажи, когда будешь готова. Я дам команду своему охраннику, и он отвезёт тебя домой.

Проклятая обида вновь напомнила о себе. А чего я хотела? Какого ответа ожидала? На что надеялась? Б...ь! Надеюсь, что он прокричит мне, что я теперь его женщина и он больше никогда и никому меня не отдаст.

– Стеша, что у тебя с лицом? – Алексей схватил халат и накинул себе на плечи. – Если не желаешь ехать с моим водителем, чтобы не вызывать лишние подозрения, то давай я вызову тебе такси.

Ядовито растянула губы.

– Ты же понимаешь, что подобными заявлениями причи-

няешь мне огромную душевную боль. Чувствую себя шлюхой.

Сидоров высокомерно поморщился.

– Душевная боль – это лишь болезнь богатых девочек, – прикрикнул он. – Люди могут сколько угодно кричать о том, что душевная боль хуже физической, но лишь полные болваны станут поддерживать эту мысль. Достаточно заглянуть в любую больницу и посмотреть на тех, у кого сломаны практически все кости, у кого разодрана в мясо кожа, кто медленно и мучительно умирает от рака. Кто кричит не только днём, но и ночью, умоляя избавить от боли. Предложи им обменять эту боль на разбитое сердце – они дадут согласие тут же. Не раздумывая.

Сердце вздрогнуло. Резко вскочила с кровати, придерживая полотенце на яростно поднимающейся груди.

– Сидоров, а ты стал с годами куда более жестоким человеком.

– Жизнь научила.

Усмехнулась.

– Ладно. Пусть так. Спасибо за прекрасный секс. И прощай, – изображала из себя высокомерную суку, нельзя более показывать свою слабость.

– А вот прощаться не спеши, Стефания. Уверен, что очень скоро ты вновь окажешься в моей постели, – утвердительно заявил нахал, когда я уже была у самой двери.

Крепко сжала зубы, сдерживая болезненный крик.

– Поживём. Увидим, – повторила его фразу.

Слегка прищурилась и пристально заглянула в его огромные, бездонные глаза...

Глаза, как хрустальный зал. В прожилках ресниц холодная бирюза. Ныряешь в зрачок, и свет остаётся за тяжёлой портьерой. А ты – у него внутри. Пустых коридоров путаный лабиринт, под каменным сводом лучина едва горит, ты слышишь своих шагов напряжённый ритм, спускаешься ниже – в опасную глубину, и воздух почти осязаем, гудит и бьёт, и вдох проникает медленно, как копье. Но то, что ты ищешь – дальше. Идём, идём. Седые ступени от сырости чуть блестят, ты в недрах беспомощна, как дитя. Летучие мыши из темноты свистят. Ты знаешь, ведь память не рада таким гостям. Ты слишком рискуешь, ты далеко идёшь... Безмолвные стены чувствуют эту дрожь. В старинный замок со скрежетом входит нож, и ты открываешь двери, стоишь и ждёшь. Потом привыкаешь к бархатной темноте. Здесь нет ни сокровищ, ни груды истлевших тел, но там, на полу, прикована к пустоте, Любовь улыбается. Этого ты хотела? Любовь, от которой скрывалась сама же...

Наваждение, демон, любовь – дурман, в лабиринте спрятанная тюрьма... Любовь, от которой ты бы сошла с ума.

Ты молча идёшь по лестнице – не свернуть. Мучительно лёгок, страшен и долог путь. В глазах море – выдохнуть и тонуть.

Забудь обо всем, что видела.

Забудь.

Забудь.

– Стеша, что ты делаешь? – Прошептал он.

Медленно отрываюсь от его колдовских глаз.

– Пытаюсь понять.

Мужчина напряжённо выдохнул и звонко хохотнул.

– Что же именно ты хочешь понять?

Приподняла голову и вновь проникновенно посмотрела на него.

– Почему твои глаза говорят мне одно, а вот поступки свидетельствуют совершенно о другом?

– Стеша, очень много времени прошло. Многое изменилось. В том числе и я, – холодно ответил он.

Непринуждённо кивнула.

– Лёша, а у тебя неплохой опыт. Я так понимаю, что я у тебя не первая замужняя девушка.

Алексей рассмеялся.

– Ты меня ревнуешь.

Капризно фыркнула.

– И не мечтай. Нет никакой ревности. Банальное любопытство, – придала голосу холодность, нельзя показывать свои настоящие чувства, моя слабость должна быть от него скрыта. – Слушай, а ты не боишься, что Настя узнает правду? – невольно вопрос сорвался с моих губ.

Сидоров озадаченно приподнял брови.

– А как же это интересно, моя будущая супруга узнает про

эту маленькую шалость? – Дерзко и провокационно уточнил он, наотмашь ударяя меня прямо под дых, выворачивая наизнанку.

Всё, что сегодня мы пережили, для него лишь маленькая шалость...

– Не знаю. Всё же тайное, когда-то становится явью.

– Возможно. Но только не в случае с Анастасией. Если, конечно, только ты ей всё не расскажешь.

Уныло улыбнулась.

– Нет, Лёша, я ничего рассказывать не собираюсь.

На мгновение в глазах мужчины отразилось разочарование, он словно совершенно другого ответа от меня ожидал.

– Почему, Стеша? Тебе страшно. Не хочешь лишиться комфортной жизни. Боитесь осуждения. Я тебя правильно понял?

Глава 4. Стефания (Ульянова) Звонарёва

Женской измены не существует. Существует либо месть за мужское предательство, либо новая любовь.

Новая любовь со старыми знакомыми.

Негромко усмехнулась и обессиленно облокотившись на спинку стула, тяжело выдохнула.

Ощущала себя тряпкой...Сейчас совершенно неважно виноват ли Сидоров или нет. Я! И только я совершила непростительную ошибку. Предала Марка.

Медленно прикрыла глаза. Невольно вспомнила крепкие, сильные, мужские руки. Вновь и вновь утопала в нежности. Боже! Как будто бы и не было долгих шести лет. Интуитивно пробежалась пальцами по горячим губам. Страстные поцелуи крепко зафиксировались на коже.

– Стеша, – голос супруга заставил меня вздрогнуть, испуганно вскочила со стула и с ужасом посмотрела на Марка. Щёки загорелись. Судорожно заводила по помещению кухни. На секунду показалось, что Звонарёв проник в мои мысли и видел постыдные картинки. Постыдные, но такие страстные и горячие. Такие сцены, которые невозможно представить с правильным супругом. Он слишком закомплексован. Действует как робот. Все движения механиче-

ские, безжизненные. Совесть уколола сердце острой иглой. Что я делаю? Обвиняю Звонарёва стремясь оправдать себя. Своё распутство.

Настоящая низость в юности ещё преступнее, чем в зрелом возрасте, зато слабость, наоборот, гораздо более извинительна.

– Что?

– Ничего. Всё отлично, – не сразу уловила злобный сарказм в его голосе.

Марк стремительно влетел на кухню и, обхватив меня за плечи, пристально заглянул в глаза.

Съёжилась.

– Ты где была? На часы смотрела? – Град вопросов посыпался на меня. – Твои родители с ума сходят. Екатерина Михайловна сказала, что ты должна была к ним приехать. Но ничего им не сказав, уехала, – при упоминании родителей озлобленно покривилась и резко дёрнувшись, мгновенно вырвалась из его хватки. – Так что произошло? Ты где была? Почему на звонки не отвечала?

Судорожно задышала, отчаянно пытаюсь привести мысли в порядок.

Где я была? Прибывала в раю. А вот теперь вернула в ад...

Даже не знала, что сказать. А говорить, что-то должна. Марк достоин объяснений. Но каких объяснений. Разве могу раскрыть ему постыдную правду и причинить огромную боль. Но что я могла сделать? Оказалась безумно слабой. Не

смогла устоять перед искушением. А кто может устоять перед искушением, если самим искушением является любовь?

Супруг беспощадно мучил и мучил меня вопросами. Судорожно соображала. Должна была дать объяснения. Но ничего придумать не могла, да и не хотела. Чувствовала себя жертвой. Обиженной. Униженной. Всеми брошенной. Ненавистные, болезненные терзания, словно хищные, кровожадные звери терзали плоть.

Никого не хотела видеть и уж точно не желала давать объяснения Марку. Желала лишь одного, чтобы он навсегда исчез из моей жизни. Внутри что-то перевернулось. Медленно осознавала, что становлюсь жестокой, безжалостной сукой. Так нельзя. Необходимо остановиться.

Стояла у самой пропасти и раздумывала, прыгнуть или нет... Вот он мой решающий ход.

– Прости. Телефон разрядился, – взболтнула первое, что пришло в голову. – Марк, ты меня извини. Но я очень устала. Если ты не против я выпью воды и пойду спать, – сделала робкий шаг в сторону холодильника, но супруг мгновенно схватил меня за запястье, не позволяя увильнуть от разговора. – Родной, действительно безумно устала, – специально придала голосу страшную усталость. – Давай все разговоры отложим на завтра. Тем более, что и говорить особо не чем. Правда.

Одно прикосновение, а в душе зародилось отвращение. Лишь лёгкое касание, а мне противно.

Не имела права испытывать отвращение к супругу. Марк – прекрасный человек. Настоящий мужчина, который всегда был рядом со мной. Чёрт! Наверно в глубине души испытывала отвращение к самой себе. Это я грязная, падшая баба, прикрываясь внезапно вспыхнувшими чувствами, моментально прыгнула в кровать к чужому мужику.

Медленно повернулась к Марку.

– Родная, – ласково прошептал муж и трепетно провёл тёплыми пальцами по полыхающим щекам. – Что произошло? Расскажи мне. Я рядом. Ты же знаешь, что можешь мне полностью доверять.

Марк нежно улыбнулся.

– Прошу. Поговори со мной. Чувствую твою тревогу. Ты безумно взволнованна. И не обманывай меня. Я знаю, что ты мне что-то недоговариваешь.

Пару секунд смотрела в глаза, которые были наполнены огромной, бесконечной любовью. Вина безжалостно пронзило сердце. Падшая, развратная девица. Никогда ещё не чувствовала себя такой грязной. Противна была самой себе. Не смогла более смотреть на супруга. Отвела взор. Он недостойн предательства. Необходимо признаться. Обязана рассказать правду. Ошибалась. Отвращение испытываю к себе, а вовсе не к супругу, который отчаянно стремится поддержать меня.

– Всё хорошо. Ты же знаешь, что у меня иногда случаются конфликты с матерью. Не обращай внимания, – говорила,

как можно спокойнее, вновь и вновь уходя от разговора.

Пряталась, как черепашка в панцирь.

– Мама меня временами ужасно бесит. Я её очень люблю, но она никак не может понять, что я уже выросла. И в её советах не нуждаюсь. Но Екатерина Михайловна настойчиво лезет ко мне. Вмешивается в мои личные дела.

Испугалась. Не смогла сказать правду. Оказалось, изменить куда проще, чем признаться в измене.

– Пожалуйста, не обращай внимание на наши конфликты. Ты же знаешь, что мы женщины безумно импульсивные. На ровном месте может устроить скандал.

– Девочка моя, – Марк сделал шаг вперёд и, бережно прижав к своему телу, ласково провёл мягкими губами по мочке уха. – Пожалуйста, не делай больше так. Я места себе не находил. Я же тебя очень люблю, – невольно вздрогнула, испытывая невероятные угрызения совести. – Не знаю, что со мной произойдёт, если в один ужасный день тебя вдруг не станет.

Горько усмехнулась. Если бы Марк знал и долю правды... Страшно представить, чтобы он сделал. А чтобы он сделал? Развод. Вот и всё. А вот Сидоров за измену три шкуры с меня бы спустил. Он изменился. Стал жёстким, бессердечным, властным, грубым, но вместе с тем сильным, brutальным, этот дьявол манил меня к себе: Сидоров – это страстный, опасный огонь, который сулит мне гибелью. Но вместе с тем, должна честно признаться, что рядом с ним оттая-

ла. И дело не только в физическом удовольствии, сама душа требовала его. Но нам не быть вместе. Пропасть между нами достигла таких размеров, что нам никогда её не преодолеть. Никогда.

– Милая, может, ты мне расскажешь, что произошло? – Мужчина аккуратно приподнял мой подбородок. – Давай, поговорим. Прости, но я не верю, что из-за банальной размолвки с матерью ты так поступила. Ты же буквально спряталась. Срылась.

Нервно облизала губы. О чём говорить? Как сказать ему, глядя в глаза, что он для меня был и остаётся удобным мужем, запасным вариантом. Как? Почему я не могу полюбить его всем сердцем? Почему в его объятиях не испытываю той безумной страсти, которую испытываю при прикосновении Алексея. Чёрт! Да я от брутального, властного взгляда Сидорова млею как овечка перед волком.

– Марк, я правда устала. Сейчас не готова к разговорам. Да и рассказывать, особо не о чем, – используя женскую хитрость, быстро поцеловала супруга в щёку, стремясь как можно быстрее завершить разговор. – Пойду приму душ и спать. И ты иди. Завтра на работу. И хватит меня пытаться. Я тебе всё сказала. А ты уж сам решай верить мне или нет, – грозно огрызнулась, осознавая, что более не могу сдерживать себя.

К моему счастью супруг не стал настаивать и позволил мне уйти. Оказавшись в душе, скинула с себя одежду и, зайдя в кабинку, встала под струями прохладной воды. Яростно

втирала в кожу гель. Отчаянно пыталась смыть аромат Алексея.

Хотела дать ответ на вселенский вопрос... Чем пахнет мужчина, желанный до слёз? Musk и пряная корица. И с этим запахом ничего не может сравниться. Его аромат проник под кожу. Немножко кофе, и дым табачный до сих пор будоражил тело.

Сила воли, мужество – вот его основные качества. Он опять подобрал код к моему сердцу.

Учащённо задышала. Чем пахнет Сидоров? Нежностью пахнет и бешеной страстью. Алексей пахнет дорогой, ведущей к счастью. Пахнет заботой и пахнет блаженством, моим идеалом, земным совершенством. В его аромате и лёд есть и пламя, Лёша – сильное в мире цунами.

Он до сих пор имеет надо мной власть, разум и душу мою поглотил. Манит меня и восхищает. Нет запаха в мире дороже и слаще, вдыхая я всё глубже и чаще... И сотни фейерверков сознание взрывают. Все, путая мысли, собой опьяняют.

Он терпкостью пахнет, фантазий и грёз...

Так пахнет мужчина, желанный до слёз.

Выключила кран и вышла из кабинки. Окутала тело полотенцем и посмотрела в зеркало.

– Если я хочу вернуть Сидорова, то обязана проявить женскую хитрость и смекалку, – тихо-тихо, будто бы боясь собственных мыслей, проговорила я.

Не хотела причинять боль Марку, но и отпустить Алексея

не могла. Если он действительно угодил в ловушку, то мы оба стали жертвами интриг.

Отпускать Сидорова не собиралась, но и бегать за ним не буду. Неторопливо взяла расчёску и, проведя ей по мокрым волосам, лукаво подмигнула своему отражению.

Марк требовал, чтобы я была с ним гибкой, терпеливой, покладистой, не спорила, всегда с уважением относилась к его мнению. Надменно усмехнулась. Нет. Супруг не требовал, а мягко просил. Вот в этом и состоит главное отличие Марка от Алексея. Он желает послушную жену рядом, при этом никогда не станет каменной стеной.

– Дорогая, ты прекрасна, – сменив тактику и более не пытая меня расспросами, он наклонился и поцеловал моё плечо. – Ты знаешь, у меня есть к тебе предложение. Может забудь обо всё на свете и...

Застыла...

– Марк, не хочу. Действительно, устала.

Супруг нахмурился и обиженно отвернув лицо, прошептал, – Стеша, не понимаю, что с тобой происходит. Ты меня постоянно отталкиваешь.

Муж выпрямился и непринуждённым шагом направился к кровати.

– Дорогой, ну не обижайся. Ты стал таким мнительным и капризным.

– А ты холодной, – огрызнулся Марк беспечно лёжа на кровати. – И нет у меня никакой обиды. Я лишь хочу немно-

го ласки и нежности. Но от тебя мне ждать нечего.

– Я так и думал, – огорчённо прошептал отец и виновато опустил голову.

С первыми лучами солнца позвонила родителю и попросила приехать в мою квартиру, в которой проживала до брака с Марком. Не могла больше терзать себя сомнениями, должна была узнать всю правду до малейших подробностей.

– Сразу понял, что ты неспроста уехала из дома.

Злобно усмехнулась и, сведя руки на груди, гневно потребовала, – Расскажи мне всю правду. Пожалуйста, более ничего не скрывай.

Папа угрюмо свёл брови и, приблизившись ко мне, пылливо пробежался встревоженным взором по моему лицу.

– Стеша, зачем тебе это? Столько воды утекло. Не стоит ворошить прошлое.

– Правда? Я столько лет убегала от своего прошлого, – яростно принялась жестикулировать. – Замуж вышла за нелюбимого человека. Ты знаешь, что такое ложиться в кровать с человеком, при этом ничего к нему не испытывая. Знаешь? – Ярость охватывала меня. – Нет. Не знаешь. Говори. Говори всю правду.

Сергей Владимирович с сожалением опустил глаза.

– Хорошо. Твоя мать договорилась с Викторией. У девушки тогда было очень сложное материальное положение. Её родители были на грани банкротства. Она даже учёбу опла-

тить не могла.

Невольно кивнула. Пока говорит правду.

– Ну вот твоя мать и воспользовалась ситуацией. Вы как раз поругались. Эта несчастная приехала к нему. Что-то ему подмешала, – он пожал плечами, – или Алексей напился до чёртиков, точно не знаю. Но могу утверждать лишь одно. Что они никогда не были любовниками. Она лишь раздела его и легла рядом. Вот и всё.

Твою мать! Всё так банально. Сценарий для мыльной оперы.

– А как Мария узнала, что именно в этот день Вика будет у Алексея?

Отец немного наклонил голову.

– Родная, ты совершенно не умеешь выбирать друзей.

Озадаченно замахала ресницами.

– Не поняла. Ты что хочешь сказать, что и Мария имеет отношения к этой подлости?

Папа мрачно улыбнулся и, обойдя меня, распахнул холодильник, в котором, кроме алкоголя более ничего не находилось. Взяв бутылку водки, он налил себе стопку и, быстро осушив её, прохрипел, – прости меня, Стеша. Я слабый человек. Нельзя было идти на поводу у твоей матери. Нельзя, – он громко поставил стопку на стол.

– Отвечай на вопрос.

Мужчина повернулся ко мне.

– Насчёт Маши мне ничего не известно, – прошептал он. –

Но одно могу утверждать, что Сидоров не такой простой парень. Дочка, ты должна держаться от него как можно дальше.

Лицемер! Разрушил мою жизнь и жизнь Алексея, а ещё имеет наглость мне нотации читать. Послала бы его с советами куда подальше, но как ни крути, он мой отец.

– Месть – вот единственное чувство, которое им движет. Стеша, тебе необходимо бежать от него. Он больше не тот парень, которого ты любила.

– Да что ты знаешь про чувство мести? – Что было сил прокричала я.

Как только узнала про измену, немного придя в себя, ставила себе цель отомстить, надеялась на то, что благодаря этому моя злость и обида покинут меня. Но что происходит на самом деле? Возможно ли освободится от горя, отчаяния и ощущения униженности там, в прошлом, отомстив сейчас? Испытав торжество и минутное ощущение власти, уже совсем в другой ситуации, в другом времени?

Это как замазать некрасивый прыщ на лице. Видно, становится меньше. Может быть, даже совсем не видно. Но ощущение жжения, покалывания, зуда, раздражения всё равно остаётся. Мои первоначальные чувства никуда не уйдут.

Тяжёлый путь – окунуться, прочувствовать и, наконец, отпустить всё то, что я испытываю. Он долгий и болезненный. Созидать всегда сложнее, чем разрушать. Созидая, я не могу точно рассчитать, что получится, когда и какими силами. Разрушая, я точно знаю, что цель будет достигнута, могу её

спрогнозировать. Выбор всегда за нами – строить свой дом или разрушать чужой. И я сделала свой выбор. И что в итоге? Всё равно угодила в ловушку. Из-за гордыни и проклятого тщеславия даже не удосужилась поговорить с любимым человеком. Взяла и сбежала.

– Стеша, он опасен. Ему плевать, что мы тебя тоже обманули. Алексей будет мстить всем. Включая тебя. Не разрушай свою семью из-за прошлого. Этот мужчина ничего не принесёт тебе, кроме боли и горя.

– Это мой выбор. Я больше никому не позволю вмешиваться в мою жизнь, – фраза прозвучала жёстко и безапелляционно, как предупреждение. Готова была разорвать все контакты с родителями. Готова была сделать шаг навстречу Алексею. Прийти с повинной. Признать свои ошибки. Готова! Готова как никогда, впервые бросить вызов всему миру.

– Ты не понимаешь. Он перешёл черту. Ради своей мести не перед чем не остановится. Этот человек подготовился.

Боль заиграла в моих глазах.

– Он имеет полное право на месть, – голос задрожал. – Я его предала. Даже не поговорила. Взяла и ехала. Он считал, что я с ним лишь играла. Мы оба умирали от любви и погибали от ненависти. Это жестоко и несправедливо, – с откровенной ненавистью высоко подняла голову. – И ты виноват в этом. Ты! Человек, которому я безгранично доверяла, собственными руками заставил меня жить в аду. Ненавижу тебя. Призираю.

От матери ожидала чего угодно. В её духе – обмануть, подставить ради своей выгоды, но вот отец. Это совершенно другое дело. Он всегда был для меня опорой и поддержкой. Всегда излучал добро, ласку и любовь. Но даже эти качества не позволили ему пойти против властной Екатерины Михайловны. Я слишком многое взяла от него. Стала слабой. Пришло время доказать, что я истинная дочь своей матери. Буду бороться за счастье.

– Что ты собираешься делать?

Отец проигнорировал мою злобную браваду, предпочёл пропустить мимо ушей злые, жестокие слова. Усмехнулась. Ему не привыкать получать тумачи.

– Я разведусь с Марком, – холодно и взвешенно ответила.

– Что? – Отец моментально изменился в лице. Страх и осуждение засияли в тёмных глазах. – Нет. Не делай этого. Сидоров только этого и добивается. Он тебя погубит.

Расправила плечи, словно ощутив крылья за спиной.

– Папа, по вашей вине, я уже умерла, – истерично прокричала. – Вы лишили меня любви. Ты и мама. Мои собственные родители уничтожили меня. Безжалостно. Бессердечно. За что, папа? Почему?

Глава 5. Марк Звонарёв

Когда счастье идёт нам в руки – мы становимся подозрительными! Неужели нужно всё усложнять, чтобы поверить? Мы привыкли думать, что настоящую любовь надо заслужить, надо преодолеть все препятствия во втором акте, перед тем как жить долго и счастливо в третьем. А если препятствий нет, означает ли это то, что чего-то не хватает? Неужели нужна драма, чтобы отношения сработали?

Мне казалось, что у нас супругой всё идеально. Бывают маленькие, несущественные конфликты, но без них невозможно. А вот сейчас моё мнение менялось. Ощущал, что между нами образуется стена.

И стену возводит прежде всего Стефания. Ощущал её холодность, в воздухе витала недосказанность, меня не покидало удручающее ощущение, что она от меня что-то скрывает...

Но что? Почему?

Стеша чаще стала молчать. На вопросы отвечала лаконично, кратко и сухо, словно пытаюсь поскорее отделаться.

Все избегают трещин. Когда видят трещину в стене, они начинают ее заполнять и, если думают, что это бесполезно, покидают эти стены и переносятся в другое место. Если чашка треснет, бросают в мусор, боятся, что при наливании горячей воды она взорвётся, и причинит боль. Все избегают

трещин, но никто не пытается остановить процесс. Кажется, что они насильно разбивают чашку, подкапывают стены, чтобы образовались трещины, а затем убегают. Все боятся трещин ...

На первый взгляд люди стараются не допускать трещин в отношениях, но все происходит наоборот: они причиняют друг другу боль, как будто ничего не видят, поэтому давят ногами на рану и гордятся этим. Трещины начинают появляться, когда ты смотришь в глаза любимому человеку и уже не чувствуешь его тепла, когда его взгляд вместо прежней любви ничего не передаёт, когда слова напрасно теряются в воздухе... Ты начинаешь сомневаться в нём и теряешь веру.

Трещины разрывают нити души, ты замерзаешь, и все становится для тебя чуждым. Слушаешь старые песни, и ностальгия горит в тебе, скучаешь по прошедшему времени, но понимаешь, что, если есть шанс вернуть его, это вам ничего хорошего не принесёт.

Когда дружба угасает, тогда тоже появляются трещины.
 В вашей душе появляются трещины, и они распадаются на многочисленные части, которых не счесть. Ваши части падают то тут, то там, вы встаёте и истекаете кровью, но никто вам не помогает. Рану обмотали и выбросили на свалку, хоть она и была раздавлена. Никто не пытается спасти вас, они просто указывают пальцем и остерегаются. Вы сидите в повреждённой лодке, она наполнена водой, вы теряете силы, но все ещё пытаетесь не утонуть, но море бес-

крайнее...

Все избегают трещин...

Все боятся трещин ...

Тщетно старался залатать эти трещины, но моих усилий невероятно мало.

Тяжело вздохнул. А может моя любимая супруга увлеклась другим мужчиной?

Даже подобный вопрос вызывал во мне волну самых жутких эмоций, тело содрогалось в судорогах, сердце отрицало, но вот интуиция твердила, что ничего исключать нельзя.

Может стал слишком подозрительным? Меня уже однажды предавали. Только вот Стефания совершенно не похожа на мою бывшую девушку. Стеша – честная, порядочная, она не опустится до такой грязи...

Но вот проклятие, сердцу приказать невозможно. А женское сердце бывает гораздо более трепетное, чувственное...

Увлёкшись ревливой подозрительностью, можно оскорбить и совершенно невинного человека.

Сердцем чувствовал, что моя Стефания не способна на подлый поступок, но холодный разум буквально кипел... Надеялся, что утром она удосужится обмолвиться хоть парой слов со мной, но Стеша ограничилась лишь банальными словами.

Обязан избавиться от оскорбительного недоверия. Мои сомнения способны погубить нашу семью, а ничего подобного допустить не мог. Любил супругу и верил, что и она ме-

ня верит.

Возможно немного устала, семейная жизнь нелёгкий труд. Должен дать нам разрядку, осветить жизнь новыми, яркими красками.

Гневно чертыхнулся и, ускорив шаг, направился в свой кабинет, уже при входе в приёмную внезапно услышал звонкий женский смех. У самой двери остановился и прислушался. Точно! Слух меня не подвёл. Широко распахнул дверь и внезапно увидел сестру, которая вальяжно, буквально по-царски расположившись на гостевом диване, задорно и весело что-то вещала, перевёл взор и заметил, как секретарша Елизавета, которая всегда отличалась сдержанностью и утончённость громко смеялась.

– Марк Михайлович, доброе утро, – встретившись с моим грозным взглядом, девушка вскочила по стойке смирно.

– Доброе утро, – буркнул я, откровенно демонстрируя, что мне совершенно не нравится подобное поведение.

Не против веселья, но в самом деле, не на работе же... Солидная, крупная организация. А эти девицы устроили здесь смехопанараму.

Недовольно покосился на сестру, прекрасно осознавая, что именно она устраивает веселье.

Стремительно ворвался в приёмную и, захлопнув дверь, вновь перевёл глаза на свою взбалмошную сестру, которая никогда не отличалась дисциплинированностью.

– Привет, братишка, – промурлыкала Анастасия и игриво

подмигнула мне.

Снисходительно усмехнулся и неожиданно обнаружил, что рядом с моей сестрой сидит совершенно неизвестная девушка. Неизвестная, но весьма и весьма привлекательная... Прекрасная дама скромно улыбнулась и кивнула.

Сосредоточенно сузил глаза. Огненные длинные волосы, огромные зелёные глаза, аккуратный носик и пухлые алые губки, на которых играла нежная улыбка.

– Братик, познакомься, это Олеся, – сестра поднялась с дивана, девушка последовала её примеру.

Невольно скользнул острым взглядом по миниатюрной девичьей фигурке.

Соблазнительная малышка. Чёрт! О чём я думаю?

– Доброе утро, Олеся, – сказал, как отрезал, говорил как можно спокойнее, пытаюсь не показывать своего волнения, тщательно скрывая интерес к прекрасному, юному созданию.

Бред! Самая обычная баба. Ничего особенного. Никогда прежде даже мысли не допускал, чтобы изменить супруге. Любил и дорожил отношениями со Стефанией.

Лёгкое возбуждение пробежало по телу. Но старался не придавать запретному желанию никакого значения. Вполне нормальная реакция молодого, здорового мужика на симпатичную, аппетитную девочку.

– Доброе утро, Марк Михайлович, – робко поприветствовала меня рыжеволосая куколка.

Красивый, пленительный голосок непроизвольно смягчил моё сердце. Она смущённо одарила меня ответной улыбкой. Такой тёплой, прелестной и искренней.

– Марк, ну что, так и будешь держать нас в приёмной? Это как-то неприлично, – надменно процедила самодовольная, нахальная Анастасия.

Оторвал взгляд от Олеси и вопросительно посмотрел на сестру.

Анастасия приглушённо хихикнула.

– Понятно, – она небрежно махнула рукой. – Ты забыл. Ничего удивительного в этом нет, – она разочарованно развела руками. – Если вопрос касается моей просьбы, то твоя память моментально даёт сбой.

– О чём забыл? – Сосредоточенно нахмурился.

Сестра слегка приподняла голову.

– Братишка, это Олеся, – с откровенной издёвкой повторила сестра. – Мы с тобой вчера договаривались, что ты с ней встретишься. Ей практику нужно пройти.

Настя недовольно поморщилась, читая по моему лицу, что, действительно, позабыл.

– Мы с тобой говорили. И ты мне обещал встречу. А теперь забыл, – обиженно затараторила Анастасия.

Твою мать! Точно. Вечером Анастасия звонила. Мы договорились с ней о встрече. Б...ь. Вся эта ситуация со Стефанией вынудила позабыть обо всё на свете. Никогда не брал практиканток. С ними слишком много проблем. Но Анаста-

сия так меня упрасивала, что под её натиском сдался. И, как оказалось. Очень зря. Вновь пробежался взглядом по хрупкой, но такой сексуальной женской фигурке. Взять куколку придётся, но вот встречи придётся минимизировать. Слишком велико искушение.

Вот как работать бок о бок с такой рыжеволосой бестией?

Избегать соблазнов – единственно разумный путь не поддаваться им!

– Вспомнил.

– Вот и отлично. Тогда пошли в кабинет, – мгновенно командовала Анастасия. – Спокойно поговорим. Всё обсудим.

Более ни слова не говоря, приблизился к двери кабинета и, распахнув её, как истинный джентльмен, проговорил, – прошу. Проходите.

Анастасия быстрым шагом проникла в кабинет. Олеся же грациозной походкой, сексуально покачивая стройными ножками, последовала за ней.

– Говорите. У меня очень мало времени. Даю вам не более десяти минут, – бросил свой чемодан на большой диван и, присев в кресло, интуитивно поправил галстук, ощущая острую нехватку воздуха. Это девочка реально приглянулась мне. Провоцировала неправильные желания. Порождала сексуальное возбуждение.

– Да нам и пяти минут хватит, – протрубила сестра. – Пригласи начальника кадров. Пусть Олеся оформят в качестве практикантки.

Махнул головой.

– Хорошо. Только мне для начала необходимо узнать, на каком курсе учиться Олеся. Кем в будущем желает работать.

Анастасия пододвинула кресло и позволила Олеси присесть, сама же встала за её спиной и облокотившись на спинку, опустила пальцы на бледные плечи девушки.

– Учусь на третьем курсе Архитектурно-строительного института. В будущем хочу стать квалифицированный специалистом, который на профессиональной основе осуществляет архитектурное проектирование, организацию архитектурной среды, включая проектирование зданий, в том числе разработку объёмно-планировочных и интерьерных решений, а также авторский надзор за строительством архитектурного объекта.

Девочка без запинки поведала о своих планах.

Надменно усмехнулся.

– Олеся, не поймите меня неправильно, но архитектор – это всё-таки более мужская профессия. Не вправе вам что-либо рекомендовать, но позволю себе высказать своё мнение. Я очень долго в строительном бизнесе, – наблюдал, как в глазах скромницы зарождается гневный огонёк, зелёные очи превращались в огненно-красный пожар, – но ещё не видел профессиональных архитекторов среди прекрасного женского пола. Дизайнер, – выждал паузу, проникновенно глядявываясь в раскрасневшееся личико. – Да. Но архитектор, – надменно помотала головой. – Нет.

Анастасия звонко рассмеялась.

– Боже, Марк! – Воскликнула сестра. – Не будь таким солдафоном. Не веди себя как мужлан. Ты для начала посмотри на её работу. А уж потом делай выводы.

Олеся повернула голову и в знак благодарности улыбнулась сестре.

– Архитектор – это преимущественно мужская профессия. Это подтверждается тем, что Притцкеровская премия, считающаяся Нобелевской премией в области архитектуры, вручалась женщинам лишь пять раз с момента её учреждения, – не проговорила, а будто бы пропела малышка, а затем, повернув голову, с вызовом посмотрела на меня. – Однако с каждым годом в архитектурных школах процент женщин, изучающих эту дисциплину, продолжает расти.

Молча слушал её речи. Возразить было нечего.

– Ирако-британский архитектор-деконструктивист Заха Хадид вошла в историю как первая женщина, получившая Притцкеровскую премию в области архитектуры, – голос стал более суровым, но при этом Олеся продолжала вести себя учтиво и тактично. – Одна из её самых знаковых работ – Центр водных видов спорта в Лондоне, где проходили Олимпийские игры. Её называли "дивой архитектуры", однако самой ей это не очень нравилось: "Назвали бы вы меня дивой архитектуры, если бы я была мужчиной? Вряд ли", – говорила она.

А малышка не так проста, как может показаться на пер-

вый взгляд. Такой палец в рот не клади. Мужская сущность выиграла во мне. Интуитивно зафиксировал взгляд на пухлых губах. Не хотел я ей палец положить, желал совершенно о другом. Тяжело вздохнул, стыдясь собственных пошлых мыслей.

– Архитекторы из Ирландии Ивонн Фаррелл и Шелли Макнамара стали лауреатами Притцкеровской премии, – настаивала девочка, упрямо отстаивая свою позицию. – Как заявило жюри Притцкеровской премии, Фаррелл и Макнамара были награждены «за честность в подходе к своим зданиям, а также за то, как они ведут свою деятельность». Также жюри охарактеризовало Фаррелл и Макнамара как «пионеров в области, которая традиционно была и остаётся профессией, в которой доминируют мужчины», и «маяков для других, пока они строят свой образцовый карьерный путь».

– Понятно, – прервал её громкую браваду и, приподняв руку, бережно постучал по швейцарским часам на запястье. – Я вас услышал. Дело ваше. Посмотрим, сможете ли вы вписать своё имя в историю, Олеся, – женское имя произнёс с лёгким флёром. Вы пока подождите в приёмной. К вам сейчас подойдут.

Олеся немного замешкалась, но спустя секунду пришла в себя и торопливо вскочила на ноги.

– Удачи тебе, – прокричала сестра, когда её подруга покидала кабинет. – Братишка, ты на нашу Лилит рот не разевай. Она тебе не по зубам.

Как только дверь закрылась, озадаченно покосился на девушку.

– Лилит.

– Да. Лилит, – сестра плюхнулась на мягкую поверхность. – У Олеси такое прозвище. Существует древний миф о Лилит, передающийся из поколения в поколение. Тот факт, что Лилит считают антиЕвой, говорит о древнем происхождении стереотипа. Он стал архетипом в структуре женской психологии, представляя логику антагонизма, противостояния мужчине любой ценой: антагонизм ради антагонизма, – округлил глаза и широко улыбнулся. Не узнавал свою сестру, никогда не слышал от неё таким умных изречений. – Лилит – это фигура вечной бунтовщицы, восстающей против мира мужчин. В сновидениях она часто предстаёт в монашеском облачении, в образе женщины под паранджой или вуалью, женщины с рыжими волосами, сильной и стремительной. Она олицетворяет собой реванш и месть женщин всему миру мужчин. Женщина такого типа считает себя поверженной, потому что мужчина злоупотребил своим положением, совершил насилие, обманул её, и теперь она несправедливо выброшена из игры. Феноменология «лилитизма» очень сильна в группах феминисткой направленности. В движении феминизма часто говорится о несчастьях, страданиях, которые выпали на долю женщины в этом мире.

Высоко приподнял брови.

– Так твоя подруга, феминиста?

– Точно, – Анастасия радостно засмеялась. – И она терпеть не может таких мужланов, как ты. Поэтому у тебя нет никаких шансов. Забудь.

А Настя умеет вернуть с небес на землю.

– Ты ничего не попутала, – поднял руку и продемонстрировал обручальное кольцо. – Я женат.

Сестра как-то загадочно – лукаво ухмыльнулась.

– И что? – Буркнула она и достала из кармана брелок с ключами. – Кому и когда это мешало? – Девушка бросила ключи на стол.

Яростно схватил ключи от автомобиля.

– Передай жене. Пусть не разбрасывается вещами, где ни попади.

Злобно сверкнул глазами.

– И ещё передай своей благоверной, что ездить ночью к моему парню не стоит.

Замер.

– Чего?

– Того, – в хамской манере буркнула она. – Следи внимательно за ней.

Напряжение повисло в воздухе...

Анастасия никогда не любила Стефанию, считая её слишком надменной и высокомерной, но сегодня, впервые столь откровенно стала делать пошлые, грязные, отвратительные намёки...

Глава 6. Марк Звонарёв

Доверие – это тонкая духовная материя и в то же время прочный фундамент взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Доверие, как и любовь, нельзя выпросить или купить, но его можно заслужить.

– Настя, что происходит?

Сестра надменно усмехнулась и на несколько секунд зафиксировала на мне свой холодный взгляд...

Твою мать! Вот что за болезненная любовь никогда прямо не отвечать на поставленные вопросы, а ходить вокруг и около... Неужели она не понимает, что здесь не место и не время для её капризных игр.

Сильнее сжал пальцы, крепче сжимая проклятые автомобильные ключи.

– Марк, ты вопросы должен не мне задавать, – буркнула она и лихо подскочила со стула. – И тебе это хорошо известно. Или прямо назвать человека, кому ты обязан адресовать пару вопросов.

Вальяжно взмахнула распушенными волосами и удручённо выдохнула.

– Не знаю, что у вас там происходит со Стефанией, – она широко взмахнула руками, как бы обозначая границы, за которые не собирается переступать, – но могу утверждать одно, что совершенно ненормально, что после скандалов с тобой

твоя благоверная бежит к моему жениху. Давайте как-нибудь самостоятельно разберитесь. А Алексея не приплетайте.

Сестра нахмурилась.

– Лёша, конечно, всегда готов помочь. Но он не личный психиатр для твоей причудливой супруги. Ты должен ей это объяснить.

Кровь болезненно закипает, лицо против моей воли начинает гореть так, будто бы его терзают яростные лучи солнца, мышцы напрягаются, отчётливо ощущаю каждой клеточкой, как импульсы проникают под кожу.

Ярость мобилизует мои силы. В первую секунду, судорожно сжимая проклятые ключи, хотел сломя голову нестись к супруге...

Ржавчина съедает железо – ревность – сердце.

Ревность – лёд для тёплых чувств.

Ревность – масло для разжигания злобы.

Ревность унижает....

Ревность – это подозрение жены в том, на что способен и ты.

– У меня не было никаких скандалов со Стешей, – сдержанно проговорил. – Она поссорилась с родителями. Я так понимаю, что она случайно пересеклась с Алексеем. Всего вернее, в каком-нибудь ресторане, и он забрал у неё ключи, – постарался хоть как-то объяснить весьма и весьма неприятную ситуацию.

Не мог унижать нашу любовь проклятой ревностью. Сте-

фания никогда не давала ни малейшего повода для подозрений.

– Может быть. Может быть, – иронично дважды повторила сестра. – Но факт остаётся фактом. И спорить здесь бесполезно. Отрицать очевидные факты глупо.

Её издевательский тон выводил из себя. Яростно сдвигаю брови вниз, к центру, невольно напрягаю веки и, широко распахнув глаза, срываюсь с места и, грубо схватив сестру за плечи, прокричал, – Настя, ты, что за игры ведёшь? Если ты в чём-то хочешь обвинить мою супругу..., – сильнее сжал её плечи, безумный гнев охватывал меня с головы до ног, всё тело трясло. – То тысячу раз подумай. Я никому не позволю оскорблять Стефанию. Никому. Поэтому очень хорошо взвесь каждое слово, прежде чем открывать рот, – с угнетающим спокойствием, при этом с бешеным пожаром в глазах, процедил каждую букву.

Анастасия всегда обладала острым языком, который легко и бессовестно ранило сердца близких людей. Терпел её дерзость, но она восприняла моё терпение за вседозволенность.

– Пусти, дурак, – пропищала сестра. – Ты же делаешь мне больно.

От её душераздирающего писка пришёл в себя. Мгновенно распахнул пальцы и освободил девушку.

– Совсем с башкой не дружись. Пи...ц! – девочка пристально, с откровенным негодованием и осуждением смотрела на меня. – Злишься на Стешу, а на мне злость срыва-

ешь, – сестрёнка свирепо расширила ноздри и стала похожа на маленького, беззащитного телёнка, которого вывели на корриду. – Что, Марк, «правда глаза колит».

– Извини. Но и ты, Настя, хороша. Не смей делать грязные намёки относительно моей супруги. Такого неуважения по отношению к Стеши терпеть не буду.

Анастасия горько усмехнулась, глаза засияли, только теперь в голубой синеве не отражалась злость, была маленькая капелька обиды и огромная грусть, тревога и забота.

С сестрой нередко ругались. Всякое бывало. Я критиковал её парней, она вдоволь издевалась над моими девушками, но с годами мы становились более близки. Любил свою непутёвое, чересчур избалованную сестрицу. И знал, что и она отвечает мне полной, безграничной взаимностью.

– Марк, я тебе вовсе не враг. Не хочу, чтобы ты вновь пережил боль и разочарование. Моя вина лишь в том, что я люблю тебя.

Криво усмехнулся и, кивнув, обессилено присел на кресло. Нервно схватил карандаш и отрешённо барабанил по краю деревянной поверхности стола.

– Марк, ты же знаешь, как это бывает, – промолвила сестра и вновь присела. – Отношения себя исчерпали. Влюбленность испарилась вместе с гормонами – дофамином, окситоцином и прочими. Официальный супруг оказался чужим человеком, даже несимпатичным, иногда отталкивающим. Потребности в заботе и сексе остались как, возможно, и общие

дети. Ради детей сохраняется видимость семьи. На стороне заводятся новые отношения.

Твою мать! Озлоблено мазнул взглядом чересчур умную сестрёнку, которая слишком сгущала краски.

– А у вас даже детей нет. И как я понимаю, Стеша не горит желанием их заводить, – сестра оплетала меня сомнениями, пробивая крепость. – А ты спрашивал у неё почему она так себя ведёт? Семья же создаётся ради детей.

– Слушай, – голос слегка надломился, крепко сжал пальцы в кулаки, стремясь успокоить будоражащую дрожь, – в нашей семье царит любовь и гармония. Тебе ясно? Мы сами решим со Стешей свои проблемы.

Анастасия немного надула щёки.

– Бывает, что в семье любовь и абсолютное понимание, гармония в отношениях, но интим редкий и совсем однообразный. Либо супруг не разделяет интересы и предпочтения жены, либо потребность в интиме абсолютно разная. Тогда тот, чья потребность выше, может найти партнёра со схожим темпераментом.

Б..ь! Это бестия реально решила вывести меня из себя. Выдержку проверяет.

– Вспомни, – громко прокричала она, – с кем ты встречался до Стефании. Какая у вас была любовь с Елизаветой, – угнетённо опустил веки, плавно поглощая воздух, ощущая, что ещё секунда: и гром и молнии посыплются на голову болтливой родственницы.

Это уже переходит все границы дозволенного.

Поговорка-ревнует, значит любит, не права. Ревнуют и нелюбимых. Ревнует-значит не доверяет, а без доверия счастье невозможно. «В ревности больше любви к себе, чем к другому.

Разумом это хорошо понимал, но вот сердце начинало сомневаться.

Настя вероломно и безжалостно была ниже пояса, используя запрещённый способ. Разве можно сравнивать Лизу и Стефанию? Одна – высокомерная, капризная, мстительная, бесчестная девица. Легкомысленная девушка без достойной цели в жизни. Она привыкла жить на полную катушку, её второе имя: «Разврат». И Стефания – девушка воспитанная, добрая, честная, амбициозная в хорошем смысле слова. Она не может меня предать. Второй раз так вляпаться. Нет. Нет... И ещё раз нет...

– Что тебе сказал Алексей? – Внезапно осознал, что вторым участником очень загадочной и в то же время крайне неприятной ситуации выступал жених Анастасии. – Как объяснил, что ключи Стеши оказались у него?

Сестра усмехнулась.

– Стефания вчера приехала к нему домой. Насквозь промокла. Постоянно плакала. Её всю трясло.

Обескураженно вытянул лицо. Приехала к Сидорову? Почему? Зачем? Твою мать, да что происходит? Какого чёрта она приехала к малоизвестному человеку? Более того, Сидо-

ров ей не был особо симпатичен. Она сама говорила, что он особого доверия у неё не вызывает. А тут такое! Или Стефания, такая же, как и все женщины, говорит одно про мужчину, а думает совершенно другое.

– Марк, ты очень доверчивый мужчина. А в наше время быть таким нельзя. Ты холодно оцени ситуацию. Ты любишь Стефанию, – сухо констатировала она. – Но уверен ли ты в её любви?

Несколько лет назад...

Приятная музыка ненавязчиво звучала в шикарном ресторане. Равнодушно смотрел на окружение и лишний раз убеждался, что очень зря согласился идти на празднование дня рождения Ульянова Сергея Владимировича.

Ненавидел и призраил весь этот маскарад. Все кругом друг другу улыбаются, надевают маски дружелюбия, а на самом деле лицемерят на каждом шагу.

Никогда бы не согласился... Никогда, если бы не мама. Михаил Петрович очень вовремя решил смыться в командировку, и в результате мама осталась без пары. Пришлось сопровождать её.

Словно по команде, улыбался каждому проходящему, изображая огромную радость от встречи, при этом тонул в угнетающей скуке. И вот уже, когда потерял всякую надежду, что кто-то сможет спасти меня от удручающего состояния перед глазами появилась очаровательная девушка.

Её бледный цвет кожи чудесно сочетался с сияющими голубыми глазами, а золотистые локоны падали на хрупкие плечи. Казалось, что она сошла со страниц гламурных журналов. Действительно, незнакомка обладала модельной внешностью, но даже на расстояние чувствовал, что она совершенно не такая, как все эти дамочки с журналов.

Вдали стояла прекрасная незнакомка с изящным, хрупким станом. Две русые пряди, высвободившиеся из высокой причёски, свободно струились вдоль нежной шеи, едва касаясь жемчужной матовости обнажённых плеч.

Никогда не был романтиком. Да и с лирикой имелись проблемы, но эта прелестное создание вдохновляла меня.

– Сынок, ты что застыл?

Медленно повернул голову, без особого желания лишая возможности любоваться красоткой.

– Мама, а кто эта девушка? – Махнул головой в сторону таинственной леди.

Женщина озадаченно похлопала ресницами и, слегка выглянув из-за меня, усмехнулась, – Марк, ну ты чего? Я понимаю, у женщин память девичья, но ты то куда? – Она вальяжно и демонстративно взмахнула рукой, крепко удерживая пальцами фужер с шампанским.

Озадаченно повернул голову.

– Эта же Стефания. Дочь Ульяновых.

– Что? – даже не сразу поверил её словам.

Последний раз видел её лет семь назад. Она была такой

угловатой девочкой. Особо ничего из себя не представляла.

И вновь скользнул взглядом по стройному стану, высокой, подтянутой груди, аппетитной филейной части, стройным ножкам.

Вот это метаморфозы...

Никогда не верил в судьбу, но теперь страстно захотел, чтобы она существовала...

Я заметил, что даже те люди, которые утверждают, что всё предрешиено и что с этим ничего нельзя поделать, смотрят по сторонам, прежде чем переходить дорогу.

Не мог оторвать восторженный взгляд от прекрасной девушки, которая сдержанно улыбалась гостям. На душе стало тепло... Вдруг невольно вспомнил, что уже однажды испытывал подобное чувство. И что получил в результате? Моё сердце безжалостно разбили!

– Сынок, подойди, поздоровайся со Стефанией.

Робко покачал головой.

– Нет. Зачем?

Мой смущённый вопрос вызвал улыбку на лице матери.

– Ты спрашиваешь меня, зачем здороваться с людьми? – Голос матери пропитался иронией, она моментально уловила, что Стефания произвела на меня впечатление.

Тяжело вздохнул и, поставив бокал с игристым вином на стол, с грустью посмотрел на маму.

– Я не хочу. Ты же знаешь, что у меня был не самый просто год, – очень мягко выразился.

Пережил страшный удар. Любимая девушка буквально перед самой свадьбой изменила мне.

– Сынок, нельзя всю жизнь горевать. Забудь про это шалаву, – яростно прорычала она. – Боже! Предательство – это всегда сложно и безумно больно, но ты не должен засовывать голову в песок. Не все женщины – коварные, похотливые особы.

Предательство близких людей знакомо почти каждому человеку, всё через него рано или поздно проходят. Я думаю, что предательство не имеет половой принадлежности, и оно не обязательно связаться с любовными переживаниями. Механизм у предательства один – близкий человек, которому ты доверял, верил, вдруг ставит свои собственные интересы выше твоих интересов и не отвечает твоим ожиданиям служить этим интересам. Когда я впервые встретился с таким грамотным объяснением сути предательства, для меня это была моя внутренняя революция. Я понял, что предательства не существует. Есть твой собственный эгоизм требовать от человека отвечать твоим ожиданиям и предъявлять право на его несвободу.

Я понимаю, что это малоутешительное объяснение, и оно даже жестокое для человека, который может находиться в угнетённом состоянии. Но если не хотите пронести свою травму на всю оставшуюся жизнь, её нужно препарировать, тогда всё заживёт, и боль отпустит.

– Мама, ты слишком торопишь время, – вновь скользнул

восхищённым взглядом по очаровательной Стефании. – Кто знает, может у неё есть молодой человек.

Почти был уверен, что у дочери Ульяновой есть любимый человек. Она очень привлекательная девушка. Держу пари, что кавалеров у неё хоть пруд пруди.

– Я знаю, – решительно произнесла мама, отчаянно пытаюсь подтолкнуть меня к девушке. – Катерина говорила мне, что её дочка совершенно одна. У неё был какой-то непутёвый парнишка. Но там всё завершилось.

– Считаешь, что я должен попробовать.

Мама расплылась в улыбке.

– Ты обязан попробовать. Материнское сердце подсказывает, что именно со Стешей обретёшь счастье.

Глава 7. Стефания (Ульянова)Звонарёва

Весенний вечер – это волшебное время, когда природа во-круг наполняется нежным светом заката. Этот период наполнен ароматами цветущих цветов, свежестью зелени и пением птиц, создавая неповторимую атмосферу чуда.

Глубоко вздохнула, наполняя лёгкие свежим, весенним воздухом. Казалось бы, живи и наслаждайся... Но у меня всё как не у людей. С тоской в глазах приподняла взор к пленительному небу.

Где-то внутри я ощущала невероятное давление, сердце в груди дрожало и обливалось кровью, тогда как глаза мои оставались сухи. Сходясь в ужасающем танце, тоска и одиночество настолько сильно проникли в мою душу, заполнив её содержимое, что мне хотелось кричать до изнеможения, рвать одежду на себе и лезть на стены.

Пыталась побороть угнетающие чувства. Необходимо было абстрагироваться, чтобы окончательно не утонуть в море ненавистой боли.

Отрешённо глядела ввысь....

Когда солнце начинает опускаться за горизонт, небо приобретает разноцветные оттенки, от ярко-оранжевого до мягко-розового. Облака словно играют в игру с последними

лучами света, создавая удивительные узоры и абстрактные формы. Закат наделяет весь пейзаж особой магией, словно кисть великого художника прикоснулась к небесам.

Весенний вечер – это также время для приятных прогулок. Тёплый ветерок ласкает лицо, принося с собой запахи цветущих деревьев и трав. Под ногами шелестит молодая зелень, а в воздухе звучат трели весенних птиц, исполняющих свои вечерние песни. С каждым шагом ощущается невероятная свежесть и живительность весны.

Весенний вечер также подарит нам удивительные виды на закате. Поле, покрытое молодой зелёной травой, мягко колышется под ветром. Деревья расцветают в нежных оттенках розового и белого, словно создавая картину сказочного леса. И в этот момент кажется, что природа вдыхает новую жизнь, наполняя весь вечер своей волшебной энергией.

Это также время романтики и вдохновения. Мягкий свет заката создаёт идеальное фоновое освещение для тёплых бесед или простого наслаждения моментом в одиночестве. Природа весны подарит вам вдохновение на творчество и мечты, словно пробуждая внутренние силы и желание творить.

Таким образом, весенний вечер – это время волшебства, когда природа и человек переплетаются в неповторимом танце света и цветов. Это момент, полный красоты, спокойствия и вдохновения, который напоминает нам о великолепии живой природы и внутренней гармонии. Гармонии, которую я

так отчаянно пытаюсь найти...

– Стеша, ты так и будешь в облаках летать, – провозгласила Мария и, схватив меня за руку, вынудила остановиться. – Ты зачем меня позвала в парк? Чтобы в молчанку играть.

Пристально посмотрела в лицо подруги. Неужели она действительно обманула меня. Предала. Но почему? За что?

– Маша, у меня сегодня с отцом состоялся разговор, – без лишних эмоций, почти равнодушно поведала подруге, пронищательно наблюдая за её реакцией.

– Правда? И о чём же вы говорили?

Снисходительно усмехнулась.

Мария судорожно передёрнула плечами и, опустив глаза, помотала головой.

– Стеша, очень надеюсь, что ты прислушалась к моим словам. И уверена, что твой папа, как разумный человек полностью меня поддерживает.

– В чём именно мой отец тебя должен поддержать? О чём ты говоришь?

Девушка молниеносно подняла взгляд.

– Я говорю про Сидорова. Хватить дурочкой прикидываться. Не вздумай ломать свою жизнь, – Мария буквально задыхалась от злости. – Этот человек опасен. Ты забыла, что он сделал?

Изобразила негодование.

– Правда? – Сомнение и издевательство были заключены в моём вопросе. – И что же такого страшного совершил

Алексей? В чём его грех?

Машка вздрогнула.

– Кошмар! – Голос усилился. – Тебе, что, память отшибло. Забыла, что совершил этот подонок?

Решительно сделала шаг вперёд, продолжая внимательно всматриваться в голубые глаза подруги. Молила бога, чтобы она была такой же невинной жертвой, как и я. Разумом понимала, что Мария не такая невинная овечка, которой желает выглядеть, но как же тяжело опять переживать предательство. Точно. Я совершенно не умею выбирать друзей. Она замешена в подлом поступке. Всё было просчитано до малейших деталей. Машка знала, когда нужно привести меня к Алексею.

– И напомним. Этот мерзавец переспал с твоей лучшей подругой, – Маша взмахнула рукой и яростно ткнула пальцем в мою грудь. – Ты окончательно ума лишилась. Забыла, как этот подонок за твоей спиной трахал Викторию. Он же использовал тебя, – девушка ядовито усмехнулась. – Где твоя гордость? Стеша, я тебя не узнаю.

Злобно рассмеялась.

– Прекрасно. Ты не узнаёшь меня, а я, в свою очередь, совершенно не узнаю тебя. А может быть, и никогда не знала.

Подруга озадаченно округлила глаза. На лице отразилось полное негодование. Машка нервно захлопала глазами.

– Не поняла. Что ты имеешь в виду?

– А то и имею, – гневно свела брови, стараясь максималь-

но сдерживать свои эмоции. Боялась. Безумно боялась услышать правду. Как же больно опять пережить предательство.

Правду слышат те, кому она нужна. А сейчас она мне нужна как никогда. И какой бы страшной и ужасной она ни была, отступать не собиралась.

– Маша, зачем?

– Что, зачем?

Негодование на лице Марии усиливалось. Постепенно панника накрывала её, она лихорадочно заводила глазами, более активнее, жестикулировала.

– Почему?

– Б...ь, – громко выругалась подруга, которая обычно умела держать себя в руках и нецензурную лексику использовала только в моменты сильного эмоционального напряжения. – Хватит издеваться надо мной. Что за игры? Откуда эти нелепые вопросы?

Истерика пронзала её хваленую сдержанность. Знает кошка, чью сметану съела. Обречённо усмехнулась.

– Машка, не прикидывайся. Мне всё известно. Ты вместе с моей мамой подставили Алексея.

Мария оцепенела. Страх явно отразился в её глазах, которые широко распахнулись от ужаса. Она нервно прижала ладонь к губам.

– Послушай, Стеша, – неспешно приходя в себя, сбивчиво протараторила она. – Всё не так, как ты думаешь.

Мария лихорадочно провела кончиком языка по пересох-

шим губам.

– Почему? Что я тебе сделала?

Боль грызла моё сердце. Все эти годы рыдала на её плече, рассказывала, что мне жить не хочется. Говорила, что больше никогда не смогу довериться не одному мужчине. А она слушала и молчала. За что? Почему отправила на эшафот. Откуда такая жестокость?

Бытует мнение, что такого явления, как женская дружба, в природе просто не существует. Уж слишком она недолговечна и переменчива! Как лампочка в аварийном доме: тоже постоянно мигает от перемены напряжения до тех пор, пока совсем не погаснет, видимо, от слишком большого накала. Только у женщин существует такое понятие, как «задушевная подруга», у мужчин даже определения такого нет – «задушевный друг», от такой дружбы сразу веет какой-то другой слабостью.

– Стеша, прости меня.

Уныло улыбнулась. Лицо оставалось непроницаемым, а вот душа ревела на взрыв. Машка безжалостно вонзала иголки в сердце.

– Зачем? Почему?

Маша проникновенно заглянула в мои глаза.

– А сама, как думаешь? Этот Сидоров совершенно неподходящий для тебя мужчина. Я же прежде всего о тебе думала.

Ненавистно блеснула глазами. Боже мой! Вершитель су-

деб.

– Я добра тебе желала, – Маша приподняла руку и, опустив холодные, тонкие пальцы на моё плечо, слегка сжала пальцы. – И как показала жизнь, оказалась совершенно права. Сидоров – мерзавец. Ты должна его остерегаться.

Резко дёрнула плечом и сбросила руку подруги.

– Послушай меня, Маша. Сейчас мы пойдём к Сидорову, и ты ему всё расскажешь. Поняла?

Ярость разрывала на куски. Готова была придушить предательницу. Как она могла. Собственными руками разрушила моё счастье. И я тоже хороша. Ослеплённая обидой, предпочла сбежать, трусливо прижав хвост.

– Ушам своим не верю, – она прижала руки к вискам. – Ты окончательно рехнулась.

Мария разъярённо посмотрела на меня.

– Стеша, ты дура. Ради этого подонка позабыла о гордости. Одумайся, идиотка. У тебя муж. Что ты творишь?

Нельзя выиграть бой одним ударом. Либо научись терпеть обиды, либо найми телохранителя. Забудь о победах и поражениях, забудь о гордости и боли. Если противник оцарапает тебя – ударь его. Если противник ударит тебя – сломай ему руку. Если противник сломает тебе руку – забери его жизнь. Не думай о том, чтобы выйти из боя нетронутым. Будь готов пожертвовать всем. Даже жизнью. Я же сдалась без боя. Идя на поводу гордости и тщеславия, добровольно отвернулась от любимого человека.

– Какая же ты дрянь, Машка.

Девушка виновато потупила взор.

– Согласна. Поступила нечестно, но я желала тебе лишь добра. И знаешь, Стеша, – закадычная подружка-предательница мрачно усмехнулась, – что, если бы у меня была возможность исправить прошлое, то я бы ничего не исправляла. Я поступила так, как велело сердце.

Только плохой человек нуждается в покаянии, только хороший человек может покаяться по-настоящему. Только совершенный человек может прийти к совершенному покаянию. Но такой человек в покаянии не нуждается.

– Мне жаль тебя, Маша. Тебе твоё чёрное сердце подсказало предать. Обмануть.

Мария несмело приподняла глаза.

– Что ты собираешься делать? Неужели хочешь развестись?

– Не твоё дело, – злобно огрызнулась, из последних сил, контролируя себя.

Предательница угрюмо ухмыльнулась.

– Стеша, ты горько пожалеешь. Не совершай роковую ошибку. Не сближайся с Сидоровым. Он изменился. Очень сильно изменился. Как ты не понимаешь?

– Изменился, – решительно подтвердила её слова. – Теперь Алексей – один из влиятельнейших и богатых людей нашей столицы. И знаешь, Машка, – непринуждённо свела руки на груди, – он и вправду движем идеей отомстить сво-

им врагам. Догадайся, что он сделает с тобой.

Девушка застыла, как восковая фигура на дешёвой выставке.

– Я его не боюсь.

Надменно усмехнулась.

– А вот это зря. Думаю, что Сидорову не составит труда шепнуть нашему декану, что аспирантка Маяковская Мария Георгиевна, мягко говоря, – без лишней суеты, игриво потеребила пальцами в воздухе, – фигура токсичная и вызывает определённые подозрения.

– Стеша, не стоит так себя вести.

Брезгливо поморщилась.

– А как я себя веду. Лишь пытаюсь предупредить. Но ты же не хочешь слышать правду. Реально надеешься, что Сидоров – вот так просто всё оставит как есть и не с кого не спросит.

Мария высокомерно растянула губы.

– Стеша, он прежде всего спросит с тебя. Как ты не можешь понять, что у него нет к тебе никакой любви. Только лишь ненависть.

Глава 8. Стефания (Ульянова) Звонарёва

Некоторые люди считают, что любовь – это то, что просто происходит с нами. Но над отношениями нужно постоянно работать. Как только человек начинает думать, что его супруг никуда не денется и обязан делать что-то, потому что влюблён, чувства притупляются.

Настоящая и зрелая любовь состоит из взаимоуважения, нежности и искреннего желания доставить радость другому человеку. Если один из партнёров пренебрегает этими правилами, чувства другого постепенно начинают угасать.

Марк никогда не был моей любовью. Испытывала к нему симпатию, нежность и благодарность... Чёрт! Он для меня был скорее друг, нежели страстный, пылкий любовник.

– Стеша, где ты была? – Не успев переступить порог квартиры, прокричал супруг.

Ошарашенно округлила глаза, с негодованием всматриваясь в разъярённое лицо супруга. Марк гневно сорвал с себя кожаную куртку и, скинув обувь, стремительным шагом приблизился ко мне.

Впервые в жизни видела его таким озлобленным, ярость пылала в его огромных глазах, губы кривились, он судорожно вдыхал воздух, параллельно пристально глядя на меня,

буквально принуждая съёжиться. Его презрительный взор убивал. Казалось, что ещё секунда, и он готов будет разорвать меня на мелкие кусочки.

Разум подсказывал, что супруг никогда не поднимет на меня руки. Марк совершенно иначе воспитан. Это ниже его достоинства, но вот инстинкты трубили, что в этот момент он способен сорваться.

– В университете. Что вообще происходит?

Марк крепко сжал зубы и немного опустил нижнюю губу, не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что он говорил не про сегодняшний день. Определённо его вопрос касался вчерашнего вечера. Внутри что-то оборвалось. Душа похолодела. Интенсивно захлопала ресницами, чувствуя, что паника одолевает меня. Ощущала себя мошенницей. Твою мать. Я изменщица. Падшая тётка. Нет ничего осудительного в том, что я встретила другого мужчины. Развод – это дело не особо приятное, но вполне обыденное, особенно в современном, цивилизованном обществе. Но я же даже словом не помолвилась про развод. Обманула его. Глубоко вздохнула и нервно потерела воротник рубашки. Не могла окончательно разобраться в себе. Правильно было бы уйти от супруга, искренне признаться, что чувства угасли. Но я этого делать не собиралась. Не знала, как себя поведёт Алексей. Не была до конца уверена, что Сидоров готов ради меня оставить капризную выскочку Анастасию. Будущее слишком туманно. А так Марк всегда под боком. Привыкла к нему. Он

очень удобный вариант. Лицемерный...Подлый подход. Нет. Холодный, прагматичный подход.

Непосредственность и бесхитрость в глазах прагматика – глупость. Рядом с Алексеем становлюсь глупой девчонкой, напрочь теряю разум, хладнокровие предаёт меня, но вот с Марком смотрю на мир совершенно иначе.

– Б...ь, – прокричал супруг и, достав из кармана автомобильные ключи, свирепо взмахнул рукой, демонстрируя их. – Объясни, Стеша, как так получилось, что ты после ссоры с родителями поехала к Сидорову?

Оцепенела. Мелкая дрожь пробежала по телу. Сердце истерически застучало в груди.

– Кто тебе сказал? Откуда у тебя мои ключи?

Боялась, что Марк узнал про мою измену, но одновременно безумно боялась, что именно Сидоров рассказал ему про моё грехопадение. Неужели Алексей мог так поступить. А что, если отец и Мария правы. Боже! Отказывалась верить, что Алексей способен на такой низкий поступок.

– Тебя только это волнует?

Должна была дать объяснения супругу, но слова застредали в горле. Чёрт! Да и не было у меня никаких нормальных объяснений.

– Марк, мне было плохо. Понимала, что у тебя слишком много работы. Вот и решила поехать к Сидорову. Сама не знаю почему. Просто так получилось, – непринуждённо пожала плечами и, повернувшись к супругу спиной, собралась

покинуть его.

– Стеша, ты серьёзно, – он мгновенно схватил меня за плечи и развернул к себе с такой скоростью, что у меня голова закружилась, испуганно расширила глаза, глядя на Марка.

Высоко приподняла подбородок.

– Скажи мне правду. Что происходит? Последнее время я тебя не узнаю, – он бросил ключи на небольшую тумбочку.

Злость бурлила в моих жилах. Как же хотелось прокричать Звонарёву, что изначально наш брак – огромная ошибка. Моя попытка сбежать от боли. Вышла за него лишь с одной целью, чтобы вытравить из сердца любовь к Алексею. Но Звонарёв не оправдал моих надежд.

– Мне одиноко, – угрюмо усмехнулась. – И в этом виноват ты.

Супруг немного наклонил голову, явно не разделяя моё мнение, считая, что я веду себя как избалованная, капризная девочка.

– Стеша, что ты несёшь? – Мужчина слегка постучал по своей голове. – О каком одиночестве идёт речь? Я каждую свободную минуту уделяю тебе.

Махнула головой.

– А вот ты полностью погрязла в своей работе. В чём твоя претензия ко мне? Скажи. Да я с тебя пылинки сдуваю. Покаю всем капризам.

– Каждому нужен кто-то, кто его выслушает. Ощущаю себя одинокой, даже когда ты рядом, – настойчиво твердила я,

больно ударяя по мужскому самолюбию.

Несправедливо было обвинять одного Марка. Я в равной мере несу ответственность за наши конфликты. Нет. Я полностью виновата.

– Прости, Марк. Мне необходимо время, что всё обдумать и разобраться в своих чувствах.

Супруг моментально убрал руки с моих плеч.

– Не понял. Ты что хочешь этим сказать?

Мрачно улыбнулась.

– Я хочу пожить отдельно от тебя. Думаю, что нам нужно время, чтобы подумать о наших отношениях.

Марк интенсивно замахал головой.

– Кому нужно? Мне всё понятно. Я тебя люблю. А ты?

А я... Не люблю и никогда не любила. Жестокая правда, она ранит Марка, но такова жизнь.

– Мне нужно время. Чувствую, что у нас с тобой назревает кризис. Нет ничего страшного в том, чтобы мы пожили отдельно друг от друга.

Угнетение отразилось на его лице.

– Главное – не разъезд. Главное – очнуться от эмоциональной глухоты и вернуть себе способность принимать здравые решения. Если тут поможет разъезд, то пусть будет разъезд, – вполне спокойно, без откровенной агрессии, с лёгким сожалением, констатировал он. – Если что-то другое, пусть будет что-то другое. Когда убрана эмоциональная глухота, шансы на сохранение брака серьёзно вырастают.

Нервно выдохнула.

– Стеша, скажи, у тебя появился другой мужчина?

Резко подняла взор на мужа.

– Что? – Изобразила обиду и демонстративно фыркнула. –
Думай, что говоришь?

Супруг недоверчиво скользнул по мне взглядом.

– Тогда в чём причина? Почему ты решила, что нам необходимо разъехаться? Ты что-то скрываешь? Ведёшь себя очень странно.

Марк бережно обхватил моё лицо ладонями, заставляя смотреть прямо в глаза.

– Пожалуйста, расскажи мне правду. Что происходит?

Виновато опустила глаза.

– Марк, наши чувства не всегда нам подвластны, – робко пролепетала.

Ради любви мы совершаем подвиги, делаем открытия, создаём произведения искусства. Любовь пронизывает всё вокруг, она везде и повсюду. Нам хочется, чтобы любовь длилась вечно. Но почему-то нередко она уходит из наших сердец. Ведь любовь – это прежде всего готовность отдавать, делиться, идти на уступки. А сделать это иногда так непросто. Может, и не любила Марка, но симпатию к нему испытывала. Но после возвращения Сидорова поняла, что и симпатия с каждым днём растворяется.

– Эгоизм способен уничтожить любые чувства. И если рядом с тобой обосновался представитель отряда себялюбцев,

который не проявляет желания позаботиться о тебе, стоит задуматься, а выдержишь ли ты такое «счастье», – набралась смелость и всецело приняла ответственность на себя. – Любовь – прежде всего готовность отдавать, делиться, идти на уступки. В душе эгоиста таких стремлений нет.

Марк убрал руки и сделал шаг назад.

– Я тебя не понимаю.

Непонимание – это прежде всего неумение разговаривать, то есть вести диалог. Говорить умеет каждый из нас. А вот умение слушать – редкий талант.

– Я эгоистка. И признаю это. Прости, больше мне сказать тебе нечего. Ты хочешь семью. Мечтаешь о детях. И это нормально. Но я детей не хочу.

Не сказала самое главное. Работа для меня лишь прикрыtie. Детей не хочу именно от Марка.

Сердце разрывалось от боли, ненавидела себя и безумно злилась. Марк – прекрасный человек, превосходный муж, о котором мечтает любая нормальная женщина.

Ключевое, нормальная. У меня же с головой точно не всё в порядке.

– Милая, давай успокоимся, – нежно и ласково прошептал супруг, которой безгранично любил меня и доверял. – Я тебя понимаю. Не стоило на тебя давить. Согласен, что вопрос с детьми стоит отложить.

Чем дольше смотрела в его глаза, тем больше нарастало чувство вины, совесть полностью вытеснила все иные эмо-

ции, смущённо и повержено опустила ресницы, пыталась скрыться от мужского, проникновенного взора, который беспощадно терзал душу.

Если ты способен видеть прекрасное, то только потому, что носишь прекрасное внутри себя. Ибо мир подобен зеркалу, в котором каждый видит собственное отражение.

У Звонарёва, бесспорно, самая чистая и светлая душа. Он всех мерит по себе. Уныло улыбнулась. Он даже не представляет, на какой грязной, похотливой женщине женился.

– Стеша, что скажешь? Почему молчишь?

Робко приподняла глаза, но ответить так и не смогла...

Говорят, что женщина – уникальное создание: разбиваясь вдребезги, распадаясь на части – она собирает свою душу «по кусочкам», становясь ещё совершеннее и лучше...

Только вот «лучше» понятие относительное, что для одного хорошо, для другого, смерть.

Душа – не входная дверь, чтобы распахивать её перед каждым. Душа – элитная квартира, в которой должны жить только избранные. Безумно злилась на Сидорова, но так и не смогла выселить его из своей «элитной квартиры», а вот Марка так и не смогла прописать.

– Глупая девчонка, – вопила мать, пока я спокойно раскладывала вещи, равнодушно внимая её пылкие речи. – Когда Марк мне позвонил, ушам своим не поверила. Боже! Это кошмар.

Бережно сложила кофту, полностью игнорируя истерики матери.

– Стеша, ты меня слышишь? – Разгневанная женщина в два шага преодолела разделяющее нас расстояние и, нервно выхватив кофту, безжалостно скомкала ткань и отбросила на кровать.

Без особых эмоций посмотрела на мать, холодно усмехнулась и, решительно обойдя её, взяла кофту и провокационно, взяв кофту, вновь бережно сложила её, откровенно демонстрируя, что мне куда важнее вещи разложить, нежели слушать её пустой трép.

– Стефания, послушай, нельзя так себя вести. Ты совершаешь большую ошибку.

– А ты всё знаешь? Привыкла вершить чужие судьбы, – иронично усмехнулась. – По какому праву?

Екатерина Михайловна устало присела на край кровати.

– Давай поговорим начистоту. Ты в любом бы случае рассталась с этим Сидоровым. Рано или поздно, но он бы тебе наскучил. И знаешь, что, – женщина утвердительно качнула подбородком, – думаю, что вряд ли бы ты ради этого нищего парня оказалась от учёбы. Ты девочка амбициозная.

– А ты меня с собой не путай.

Екатерина Михайловна вальяжно махнула рукой.

– Стеша, ты пытаешься снять с себя ответственность. Все вокруг тебя плохие. Злодеи. Но хотя бы себе признайся, что в тот момент, когда ты увидела измену Сидорова, испытала

облегчение.

Глава 9. Алексей Сидоров

– Я сделала всё, как ты сказал, – громко провозгласила Анастасия. – Выполнила часть своей сделки.

Храбрая, но такая несдержанная кукла самоуверенно приподняла голову, в глазах полыхал опасный вызов, она пристально смотрела на меня, настойчиво требуя ответа.

– Теперь твоя очередь. Ты же исполнишь уговор? Правда, Алексей?

Главное – держать себя в руках, быть прохладным и точным, как лезвие... Но Анастасии до такого уровня прагматизма очень далеко. Ей следует взять пару уроков у Стефании. Вот уж кто может вывернуться из любой ситуации.

Уныло усмехнулся... Коварная дьяволица с ангельским личиком и демоническим сердцем. Прекрасная внешне и так уродлива изнутри!

Усмехнулся и приглушённо выдохнув, сделал шаг вперёд, к девочке.

– Я всегда держу своё слово. Всегда. Можешь не сомневаться, детка. Полностью выполню все условия сделки. Можешь не сомневаться.

– Держишь?! – неблагодарная наглядка недовольно поморщилась. – Ты когда Кирилла из тюрьмы вытащишь? Ты обещал. Сколько уже времени прошло? А мой парень как чалился на нарах, так и чалится.

Такая маленькая, хрупкая куколка, а палец в рот не кладет. С таким напором, как у Анастасии, горы можно свернуть. Жаль только свою неуёмную силу она использует не по назначению.

Сестра Звонарёва очень упрямая и амбициозная девушка, только вот её меркантильность губит весь её потенциал.

Задумчиво повёл глазами по миловидному, симпатичному личику бунтарки. Красивая, достаточно умная девушка из обеспеченной семьи... Что ей не хватало? Как могла связаться с откровенным дегенератом? Наркоманом, который промышлял воровством элитных автомобилей. Этот дебил осмелился покуситься и на мою собственность, за что и поплатился свободой. Особо не придавал никакого значения данному инциденту, пока совершенно случайно не узнал, что этот пацан встречается с Анастасией, сестрой супруга Стефании.

Это был шанс. Шанс, которым должен воспользоваться...

Когда такой козырь плывёт в руки, то грех им не воспользоваться.

Дружок Анастасии загремел за решётку, но благодаря мне ему доставляют всё необходимое, включая запрещённые препараты. Обещал влюблённой девочке, что как только добьюсь своей цели, то сразу же вытащу парня из тюрьмы. Он заложник. Моя страховка, что Настя не сорвётся с крючка.

Стоило мне лишь пальцами щёлкнуть, и он завтра же будет рядом с Настей, все документальные формальности уре-

гулируем, выйдет условно-досрочно на свободу, но пока не время. Обещание своё исполню, хотя и считаю, что этот Кирилл – полное ничтожество. Настя, бесспорно, также не подарок, ради этого ублюдка перевоплотилась в Павлика Морозова, но даже она не заслуживает такого сомнительного счастья.

Взмахнул рукой и, цепко обхватив пальцами девушку за подбородок, несильно, но довольно властно сжав нежную девичью кожу, сухо прошептал, – обещал, значит, исполню. А пока делай всё, что я тебе говорю, и никто не пострадает. Чем быстрее Марк бросит Стефанию, – удовлетворённая улыбка зафиксировалась на моих губах, глаза заблестели с особым азартом, – тем быстрее твой парнишка выйдет из тюрьмы.

Звонарёва строптиво усмехнулась и, не разрывая зрительного контакта, достаточно храбро сделала шаг вперёд, вынуждая меня убрать руку от её лица.

– Ты всё это затеял только ради Стефании? Такая страстная ненависть реально возбуждает. Прямо итальянские страсти кипят. Только не сварись в собственном кипятке.

Наглая девчонка нервно дёрнула подбородком.

– Страсть и ненависть, – ядовито и протяжённо проговорила Анастасия, демонстративно подняв руку и вытянула два пальца, – два чувства практически одинаковых. Лишь одним отличаются они друг от друга – ненависть стремится уничтожить объект, на который направлена, а страсть хочет

обладать им. В своем предельном состоянии оба эти чувства полностью поглощают человека его волю и стремления.

Устало выдохнул...

У ненависти и страсти, как и у боли бывает шоковое состояние. Иногда, когда эти чувства достигают предельной интенсивности организм отключает их и наступает состояние полного опустошения. Безучастность, отрешённость, апатия. О таком состоянии говорят – «Человек сдался, отказался от борьбы» за свои цели, а иногда и за жизнь.

– Не суй свой носик, – немного наклонил голову вниз, приближая непроницаемое лицо к нахальной девичьей мордашке. – Молча выполняй условия сделки, и тогда у тебя, и твоего дружка всё будет хорошо, – при упоминании возлюбленного Анастасия, девушка смутилась. – Думай о своём счастливом будущем. А о своей страсти и ненависти я позабочусь без сопливых. Поняла?

Куколка из последних сил демонстрировала свою силу, сдерживала эмоции, но даже в воздухе летало напряжение. Этой капризной, эгоистичной девочке действительно важна судьба Кирилла. Удивительно, на что толкает любовь... А может, это вовсе не любовь, а лишь страсть?

– Ты её любишь. Любишь и ненавидишь.

Анастасия ещё так молода и неопытна! Она даже не знает, что слово страсть буквально обозначает не контролируемое влечение к чему-то. Ненависть – это и есть одна из страстей. Страсти бывают разные.

Озлобленно ухмыльнулся.

Люблю? Нет. Я любил Стефанию много лет назад. Безумно любил. До боли. До ужаса. До дрожи. Но эта девица с лёгкостью превратила мою любовь в ненависть.

Ненависть бывает весьма вдохновляющим чувством. Мир перестаёт быть непонятным и пугающим, если разделить всех на друзей и врагов, на своих и чужих, хороших и плохих. Самый простой способ объединить группу – вовсе не любовь, потому что любовь – это трудно, любовь требовательна. А ненависть – это просто.

И любовь, и ненависть являются наиболее яркими, одинаково сильно заряженными эмоциональной энергией, формами проявления того, что человек включен во взаимоотношения с тем, на кого направлено ЛЮБОЕ их этих чувств. Они подтверждают факт существования отношений, а вместе с ними и факт принятия и признания партнера. Потребность в признании – одна из главных для каждого человека. Хорошо бы, конечно, ее удовлетворять через любовь, но и ненависть лучше, чем игнорирование, когда нас не замечают совсем.

Порогом, предваряющим любовь, часто является страсть, а ненависти предшествует ярость. Однако и страсть, и ярость могут со временем не расти, а спадать по мощи переживаний. Тогда человек погружается в целый спектр эмоций, но только одной из полярностей – положительной или отрицательной.

На вторую половину континуума как будто бы накладыва-

вается запрет. Иногда надолго. И это лишает отношения целостности, т.к. личности, их организующие, оказываются лишены ВСЕГО спектра переживаний. Поэтому они стремятся восстановить недостачу, обрести недоданное, утерянное.

Как ни странно, но от ненависти до любви один шаг, а от злости до радости – пропасть. Энергии чувства уже не хватает, чтобы оно сменилось на противоположное. Еще труднее бывает перейти от стыда к гордости, от обиды к благодарности, от вины к признательности. Когда же путь изменения этих «низко энергетически заряженных» чувств лежит через растерянность, а подчас и равнодушие, тогда, находясь в отношениях, партнеры испытывают состояние одиночества. И это может при вести к их разрыву.

Стремясь сохранить отношения, люди повышают энергию своих эмоций, внешне оставаясь приверженным переживаниям какого-то одного чувства. Однако, будучи вместилищем всего эмоционального континуума, они одновременно начинают испытывать «бурю чувств». Все чувства «просыпаются», требуют к себе внимания, становясь доступны осознанию. В этот момент и возможен их анализ, пересмотр и выбор.

– Иди, Анастасия, – мягко скомандовал я

Девушка загадочно усмехнулась, и в её глазах отразился лукавый домысел, который она не осмелилась озвучить.

– И смотри, чтобы твоя подружка с триумфом не прова-

лилась.

– Не волнуйся, – Анастасия самодовольно вздёгнула подбородком. – Олеся – профессионал своего дела. Марк точно перед ней устоять не сможет, – решительно протрубила она. – Только ты должен понимать, что, несмотря на все её впечатляющие способности, даже Олеся не сможет очаровать Марка за столь короткий срок.

Немного развёл руками.

– Думаю, что у неё будет возможность утешить твоего брата.

Анастасия медленно повернулась ко мне.

– В смысле? Ты реально думаешь, что после того, как Марк узнал, что его супруга была у тебя, он устроит ей скандал. Неприятно, но это далеко не повод для развода.

Безмолвно, но утвердительно качнул головой.

– Извини, но это бред.

– Правда? Стефанию сегодня утром уехала из дома. Теперь она живёт в своей старой квартире.

Девушка ошеломлённо заводила глазами, явно поражаясь моей осведомлённости и слегка сомневаясь в правдивости моих слов.

– Ты откуда знаешь? Сомневаюсь, что мой брат с тобой болью поделился.

Сидел в машине и смотрел на звёздное небо.

Есть в звёздах что-то особенное.

Попробуйте выйти ночью на улицу и посмотреть в небо. Отвести взгляд будет очень сложно. А ещё лучше, если есть с кем разделить эти наблюдения. Ведь любовь и звёзды между собой даже чем-то похожи. В каждом из этих понятий скрыто много неизвестного, тёмного, манящего...

Любовь – это как дотянуться до звезды, главное, чтоб она не оказалась головешкой, а горела всю жизнь.

Непроизвольно вновь воспоминания из сказочного, далёкого прошлого нахлынули на меня.

Даже не помню, где точно раздобыл ключи от чердака высотки, плохо припоминаю тот день, но вот ощущения заполнил навсегда. Тогда впервые поцеловал Стефанию. Первый и самый незабываемый поцелуй сорвал с её нежных, алых, невинных девичьих уст.

Угрюмо и снисходительно рассмеялся, вспоминая, как я и Мария поднялись ночью на чердак. Б...ь. Вот такой я романтик. Решил на крыше устроить первое свидание. Заранее принёс туда белое вино, её любимое, расставил много-много свечек. Как мог, создавал непринуждённую, интимную атмосферу под яркими, сияющими звёздами. Стеша умудрилась разбить один из фужеров. Пришлось пить вино по очереди. Стефания употребляла алкоголь небольшими, сдержанными глотками параллельно робко косилась на меня. Медленно обхватил её холодные пальцы и, удерживая её руку на весу, проникновенно заглянул в огромные, красивые глаза, которые полыхали не слабее звёзд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.